

КРАСНЫЙ БАНДИТИЗМ В СОВЕТСКОЙ СИБИРИ

Недоумение — такой, скорее всего, будет первая реакция читателя на название данной статьи. И она, надо признать, вполне естественна. В клишированной памяти советского человека, воспитанного на отечественной исторической литературе «доперестроечной» эпохи, одновременно с термином «бандитизм» всплывают, как правило, совсем другие определения: «белый» или «уголовный». У читателя, вкусившего плоды гласности, совсем иные ассоциации. Он чаще всего после слова «красный» ждет в качестве продолжения увидеть или услышать кроваво-грозное «террор».

Но современная отечественная история настолько богата трагическими событиями, что они не укладываются в уже известные матрицы. Для характеристики политического бандитизма первых лет Советской власти требуются не только белый, черный или зеленый цвета, но и красный. В то же время красный террор далеко не исчерпывает собой всего набора жесточайших форм борьбы, которые применяли большевики и их сторонники против своих политических противников, оппонентов и простых обывателей. В арсенале тех, кто встал у власти или был близок к ней, имелся и такой тривиальный способ, как бандитизм.

К сожалению, мало кто знает об этом, поскольку список специальных публикаций о красном бандитизме исчерпывается всего двумя небольшими по объему работами: брошюрой Е. М. Ярославского и статьей Л. И. Боженко¹. К тому же изданная в 1922 г. брошюра Е. М. Ярославского давно стала библиографической редкостью: ее нет даже в «Ленинке». Не исключено, что она была изъята из библиотек и уничтожена во время многочисленных чисток. Что касается статьи Л. И. Боженко, то она (вероятно, по соображениям цензуры) была настолько обезличена совершенно банальным названием, что не привлекла к себе внимания не только цензоров, но и читателей. Отсутствие каких-либо дру-

гих публикаций объясняется тем, что до недавнего времени заниматься изучением красного бандитизма было практически невозможно из-за недоступности для исследователей основного массива источников: секретных материалов партийных органов, органов ВЧК—ГПУ и революционных трибуналов.

В публикациях Е. М. Ярославского и Л. И. Боженко был верно обозначен основной круг проблем, нуждающихся в изучении. Авторы анализировали причины и время возникновения красного бандитизма; состав его участников; направленность, формы проявления и масштабы красnobандитских акций; методы борьбы против красного бандитизма, применявшиеся органами РКП(б) и Советской властью; дали определение красному бандитизму как социально-политическому явлению.

«Красным бандитизмом,— писал Е. М. Ярославский,— мы называем такие преступления, как грабежи, тайные убийства, расправы и другие факты, совершаемые не белыми, а “красными” или бывшими красными партизанами, или членами РКП, причем [совершающие] эти преступления люди пытаются их представить не просто как зверское убийство или уголовный грабеж, а изображают их как благородное и необходимое дело, как борьбу будто бы с контрреволюцией... На самом же деле красный бандитизм самое вредное явление, он иногда вреднее даже белого бандитизма, он часто — родной ему брат». Такой трактовкой исследуемого явления объяснялась и линия поведения по отношению к нему: «красный бандитизм есть опасная болезнь, губительная язва, которую надо лечить, с которой надо бороться»². Методы лечения борьбы, предлагавшиеся Е. М. Ярославским, заключались в политическом просвещении отсталых членов РКП(б), в оказании экономической помощи бедноте и содействии ей в хозяйственной взаимопомощи.

Более однозначную и жесткую оценку дал красному бандитизму Л. И. Боженко, назвав его «по своему существу глубоко контрреволюционным»³. Правда, этому заключительному выводу противоречат предшествующие рассуждения автора о красном бандитизме как явлении чрезвычайно сложном и противоречивом, а также утверждение о том, что в комплексе мер, предпринятых партийными и советскими органами края против красного бандитизма, «первое место заняло оказание хозяйственной помощи разоренным хозяйствам бедняков...»⁴ Декларативно прозвучали утверждения Л. И. Боженко, не

подкрепленные ни одним фактом, о прямом слиянии красного и белого бандитизма*, о подавлении открытых красnobандитских выступлений вооруженной силой и ряд других.

В статье Л. И. Боженко преобладают общие рассуждения и практически отсутствует конкретный материал. Но и при его изложении и трактовке (смотри, например, «шарыповское дело») были допущены грубые ошибки. Автор совершенно не использовал такой исследовательский компонент, как внутренняя критика источников. Он заимствовал и перенес в статью ряд недоверенных оценок, содержащихся в использованных материалах. Встречаются даже текстуальные совпадения. По всему чувствуется, что Л. И. Боженко очень плохо представлял событийную сторону дела.

И наконец, о методологии исследования. Попытка Е. М. Ярославского и Л. И. Боженко анализировать такое действительно противоречивое явление, как красный бандитизм, только с классовых позиций, сквозь призму «революционное или контрреволюционное», была едва ли верной и продуктивной. На мой взгляд, она не могла дать достоверного знания об изучавшемся предмете.

* * *

В 1920 г. в Сибири состоялись десятки судебных заседаний, получивших большой общественно-политический резонанс. Как правило, их объединяло то, что на скамье подсудимых оказывались подлинные или мнимые противники Советской власти. Однако то, что происходило во время судебного разбирательства 24—26 декабря 1920 г. в уездном городе Канске, было не просто необычным, а казалось абсурдом: здесь выездная сессия Енисейского губернского революционного трибунала судила большую — 128 чел. — группу коммунистов!

Что же привело их на скамью подсудимых? Материалы судебного следствия рисуют примерно такую картину.

Еще в мае 1920 г. в волостном селе Рождественском, а затем в Шеломках, что на севере Канского уезда, возникла — цитирую фрагмент из приговора ревтрибунала — «весьма сильная контрреволюционная организа-

* В статье Л. И. Боженко это делается двояким способом: с одной стороны, говорится о наличии у красных бандитов организаций, «во главе которых оказывались, как правило, бывшие белогвардейцы, торговцы, меньшевики, эсеры» (с. 229), с другой — о пополнении бельих банд участниками красnobандитского движения и даже руководящей роли последних (с. 234).

ция, руководимая предательскими элементами бывшего офицерства, духовенства и др. интеллигенции, сознательно подрывавшими, пользуясь своим положением служащих различных советских учреждений, доверие к рабоче-крестьянской власти и подготавливавшими таким образом опасное кулацкое восстание...» Организация установила связь с действовавшими в уезде бандами и намеревалась выступить в назначенный срок против Советской власти. Зная об этом, местный орган ВЧК — уездное политбюро — никаких действий, однако, не предпринимал.

В начале ноября юг Канского уезда стал ареной боевых действий. Значительная часть вооруженных сил, которыми располагали коммунисты на севере уезда, была переброшена туда. В случае, если бы контрреволюционная организация воспользовалась их отсутствием и подняла мятеж, пролилось бы много крови. Зная о заговоре, оставшиеся на местах члены Ботовской, Денисовской, Канарайской, Кондратьевской, Курайской, Покровской, Рождественской, Танайской, Топольской, Шеломовской и некоторых других комячеек решили нанести превентивный удар: в ночь на 6 ноября в Рождественском и Шеломках они произвели аресты 48 заговорщиков.

Но в ту же ночь на Шеломки напала банда в 40 сабель. Во время боя, продолжавшегося до утра, арестованные пытались бежать, однако были убиты охранявшими их конвоирами. Тогда же с общего согласия коммунистов со ссылкой на невозможность доставить арестованных в Канск были расстреляны заговорщики, захваченные в Рождественском⁵.

Такова, повторяю, примерная картина событий, если опираться на официальные материалы судебного разбирательства. Я не случайно акцентирую внимание на слове «примерно», сознавая юридическую неправомерность такой оценки. Но сделать это вынужден по той причине, что доказательства, собранные в ходе предварительного следствия, страдали неполнотой и односторонностью. В частности, квалификация потерпевших как заговорщиков, данная со слов участвовавших в расстрелах коммунистов, совершенно не проверялась и никакими иными доказательствами подкреплена не была. К тому же в обвинительном заключении отсутствовало указание на расстрелы, произведенные коммунистами в Ингашах, Нишино и Тасеево, где было убито еще около 20 чел.⁶

Два дня спустя после расстрелов представители Рождественской и Шеломковской комячеек явились в Канск для того, чтобы поставить в известность о случившемся уездное партийное руководство. Поздно вечером 9 ноября 1920 г. сообщение было заслушано на заседании уездного комитета РКП(б), который принял решение: по полученным фактам произвести расследование, делегацию отпустить домой, обязав впредь обо всем информировать политбюро, а копию протокола своего заседания направить в губком РКП(б)⁷.

События, происшедшие в Рождественской волости, еще дважды были предметом рассмотрения в руководящих партийных инстанциях: 25 ноября на заседании Канского уездного комитета РКП(б) и 27 ноября на заседании президиума Енисейского губернского парткома. О чувствах, которые испытывали руководящие товарищи, можно только догадываться. Судя по всему, их устраивал результат (ликвидация заговора, расстрел контрреволюционеров, стабилизация обстановки), но смущали методы, которыми он был достигнут. В конечном счете было решено организовать над коммунистами показательный судебный процесс, направив для этого в Канск выездную сессию губревтрибунала. О целях, преследовавшихся устройством суда, в постановлении ничего не говорилось. Но составить о них представление можно по той директиве, которую президиум губкома дал губревтрибуналу: в отношении к коммунистам обвинительный приговор ни в коем случае не выносить⁸.

В течение трех дней в Канске шел политический спектакль на тему революционной законности по сценарию, написанному в кабинетах уездного и губернского большевистских парткомов. В течение трех дней несколько сотен доверчивых провинциальных зрителей — рабочих и крестьян, не искушенных в хитросплетениях политики, искренне ненавидевших контрреволюцию и сочувствующих коммунистам, — внимали каждому слову, звучавшему со сцены. Зал негодующе рокотал, когда государственные обвинители клеймили заговорщиков-контрреволюционеров; зал затихал, когда государственные обвинители обрушили свой гнев на подсудимых; зал замирал от страха, когда от имени подсудимых один из них заявил, что коммунисты признают себя виновными в расстрелах и в нарушении закона; сочувственными вздохами он откликался на речи государственных защитников.

Кульминационный момент наступил при оглашении приговора. Принимая во внимание, что подсудимые раньше всегда были законопослушными гражданами и не нарушали революционную законность, исходя из того, что расстрел заговорщиков «являлся актом самозащиты, а не самосуда», ревтрибунал постановил считать 128 коммунистов оправданными. В ответ зал взорвался громом аплодисментов. Завершилось же все это исполнением «Интернационала»⁹. Таким образом, суд, формально организованный над совершившими уголовное деяние коммунистами, вылился в политический процесс над реальными и потенциальными противниками Советской власти и Коммунистической партии.

И в заключение еще один штрих. 7 января 1921 г. в губернской газете «Красноярский рабочий» была опубликована статья «Дело 128-ми коммунистов», автором которой был В. Итин — один из государственных обвинителей на процессе. В ней содержалась краткая информация о событиях в Рождественской волости и сообщалось о приговоре губревтрибунала.

Я столь подробно остановился на «деле 128-ми» по двум причинам. С одной стороны, оно в ряде отношений типично для многих других проявлений красного бандитизма, прежде всего по составу преступления, а также по реакции на это деяние руководящих партийных и советских органов. С другой стороны, «дело 128-ми» очень специфично. Во-первых, если я не ошибаюсь, в 1920 г. это была самая крупная по количеству жертв краснобандитская акция. Во-вторых, впервые, хотя бы и формально, красные бандиты оказались на скамье подсудимых. В-третьих, тема красного бандитизма пусть и в одностороннем изложении, но стала достоянием периодической печати, была как бы легализована и публично зафиксирована в качестве острейшей проблемы общественно-политической жизни Сибири. Дело в том, что к концу 1920 г. количество различного рода самосудов, в том числе заканчивавшихся трагически, резко возросло, и болезнь стала приобретать эпидемический характер.

Вопрос о причинах такого развития событий и возникновении красного бандитизма в Сибири очень не прост. Представляется, что ответы на него лежат в разных плоскостях и на разной исторической глубине. Совершенно очевидно, что красный бандитизм явился продолжением и следствием тех социально-политических конфликтов, которые накапливались в обществе на протяжении десятилетий (если не столетий) и были усугуб-

лены революциями 1917 г. и особенно гражданской войной. Такой ответ может быть дан в первом приближении и в самой общей форме:

В то же время в Сибири имелось немало конкретных обстоятельств и причин, которые обусловили возникновение и стимулировали развитие красного бандитизма. Очень кратко, буквально конспективно, обозначу главные из них.

Жестокость колчаковского режима привела к тому, что у многих борющихся с ним подпольщиков, партизан и повстанцев стремление к политическому реваншу стало сочетаться с жадной мести, непосредственной расправы со своими политическими противниками. После разгрома Колчака и восстановления Советской власти особенно сильно такие настроения и адекватное им поведение выявились на Алтае, где партизанско-повстанческое движение носило массовый характер. Под давлением разбушевавшейся стихии и в целях ее нейтрализации партийное, советское и военно-политическое руководство Алтайской губернии 27 января 1920 г. разрешило коллегии местной губчека применять высшую меру наказания по отношению к злостным врагам Советской власти. Вскоре на основании распоряжения председателя ВЧК Ф. Э. Дзержинского право непосредственной расправы было предоставлено всем губернским чека и ревтрибуналам Сибири, поскольку ее территория находилась на положении прифронтной полосы¹⁰.

Разрешением применять высшую меру наказания проблема далеко не была исчерпана. Деятельность советских карательных и правоохранительных органов, действовавших на принципах революционной законности, многие пострадавшие от белогвардейцев по-прежнему считали излишне мягкой по отношению к контрреволюционерам. Они публично выражали свое резкое недовольство работой органов ВЧК, милиции, ревтрибуналов, отпускавших на свободу за недостаточностью улик или вследствие недоказанности преступления людей, арестованных за содействие белогвардейцам или по подозрению в контрреволюции. Тем самым сохранялась социальная почва и психологическая атмосфера для красnobандитских действий.

Яркой иллюстрацией того и другого может послужить обстановка, которую в январе 1921 г. наблюдал один из инструкторов Ачинского уездного комитета РКП(б) в селе Нагорновском Ново-Новоселовской волости. Здесь многие партизаны, коммунисты и советские

работники выражали резкое недовольство тем, что бывшие контрреволюционеры находятся на свободе. Они открыто заявили инструктору, что «необходимо избавиться от этих паразитов устройством Варфаломеевской ночи»¹¹.

Приведенный пример — не единичный случай. Подобные настроения были распространены довольно широко и стали заметным явлением в сибирской жизни. Сошлюсь на авторитетное свидетельство комиссии, которая по поручению Сиббюро ЦК РКП(б) в конце сентября — начале октября 1921 г. подготовила для пленума ЦК РКП(б) специальный доклад «О красном бандитизме». Характеризуя обстановку, породившую в Сибири красный бандитизм, ее члены писали: «В основной и первоначальной своей форме красный бандитизм является продолжением гражданской войны. Посредством его одна из групп населения сводит свои старые, со времен Колчака ведущиеся с другой группой населения: рабочие со спецами, более или менее активно проявившими себя в колчаковский период, партизанские элементы деревни — с кулаками и прочими активно контрреволюционными ее элементами: «гадами» на выразительном языке красных бандитов. Те меры борьбы, которые усвоила себе по отношению к контрреволюционным элементам Советская власть в Сибири, их не удовлетворяют, кажутся им слишком мягкими. Их собственные желания сводятся в сущности к поголовному истреблению их политических врагов, в лучшем случае к их поголовному изъятию и водворению в тюрьмы и концентрационные лагеря. Когда к концу первого года существования Советской власти в Сибири вполне обнаружилось, что органы ее не идут и не пойдут по этому пути, партизанские элементы решили взять на себя задачу расправы со своими врагами. “Бей гадов” — основной лозунг красных бандитов во всей Сибири»¹².

Необходимо признать, что Советская власть породила в Сибири ряд проблем, благоприятствовавших возникновению красного бандитизма. В частности, ощутило возросло бремя различных государственных повинностей, возложенных на сибиряков, тогда как экономическая компенсация их материальных затрат и физических усилий практически отсутствовала. Это осложнило положение местного партийного и советского аппарата. В его арсенале осталось всего два рычага воздействия на население: убеждение и принуждение.

Созданные в Сибири после ее освобождения от Колчака коммунистические ячейки и советские органы со-

стояли преимущественно из крестьян, на практике доказавших свою преданность Советской власти, но имевших низкий уровень общей, политической и правовой культуры. Среди рядовых советских сотрудников и коммунистов было много малограмотных и элементарно неграмотных. Редко кто из этих людей знал советские законы, разбирался в них и тем более их чтит. В своей практической работе среди населения они не могли целесообразно и эффективно применять методы убеждения и принуждения, поэтому вскоре сделали упор на вторые в ущерб первым. В результате в течение 1920 г. в Сибири произошла стремительная эскалация государственного насилия, санкционированного советским законодательством.

Государственный беспредел — наряду с прямым результатом — имел и побочный эффект. Он способствовал возникновению в Сибири атмосферы безответственности и вседозволенности для тех, кто был у власти. Параллельно с ним прокатилась волна самочинных обысков, конфискаций и реквизиций имущества, арестов и убийств граждан, инициаторами и исполнителями которых были коммунисты, советские работники, сотрудники милиции и органов ВЧК¹³. Это свидетельствовало о наличии в Сибири довольно значительной социальной группы, являвшейся носителем нового менталитета. Для нее преступные деяния были нормальным средством разрешения социальных противоречий, политических и межличностных конфликтов.

Чтобы не быть голословным, приведу только один пример. 24 декабря 1920 г. на заседании президиума Енисейского губкома РКП(б) обсуждался вопрос о конфликте между начальником Ачинской уездной милиции И. Г. Фридманом и начальником коммунистического отряда, действовавшего в южной части уезда, М. Х. Переваловым. Среди населения уезда Перевалов пользовался редкой популярностью, которую завоевал благодаря активному участию в борьбе против белогвардейцев сначала в качестве командира красногвардейского, затем — партизанского отряда. В начале 1920 г. он прославился еще и тем, что, будучи беспартийным, занимался организацией коммунистических ячеек, из которых осенью создал новый вооруженный отряд для борьбы с белобандитами. По оценке начальника губернской милиции С. М. Моисеенко, специально расследовавшего конфликт между Переваловым и Фридманом, главная его причина заключалась «в деятельности комячеек, жестоко пресле-

дующих всех подозрительных, по их мнению, крестьян, самочинно арестовывающих, а иногда и расстреливающих таких «контрреволюционеров»». Фридман повел решительную борьбу против комячеек и отряда Перевалова, замешанных в бесчинствах и самосудах. Конфликт был ликвидирован весьма неожиданным образом: не наказанием виновных, а отзывом Фридмана в распоряжение губкома партии. Сам Фридман, присутствовавший на заседании президиума губкома, охарактеризовал Перевалова как человека, безусловно вполне преданного Советской власти, но способного, не моргнув глазом, вырезать 600 контрреволюционеров¹⁴.

На возникновение красного бандитизма повлияло и то, что после освобождения от Колчака Сибирь продолжала оставаться ареной гражданской войны. То в одном, то в другом ее районе возникали очаги вооруженного сопротивления коммунистическому режиму. В мае — сентябре 1920 г. мятежами в той или иной степени была охвачена территория Барнаульского, Бийского, Змеиногорского, Кузнецкого, Новониколаевского, Павлодарского, Семипалатинского, Славгородского, Томского, Усть-Каменогорского и Щегловского уездов Западной Сибири, в октябре—декабре 1920 г. — всех уездов Восточной Сибири.

Мятежи сопровождались убийствами коммунистов, советских работников, красноармейцев и членов их семей. Обличая контрреволюцию, советские историки много писали об ее зверствах. Но они, как правило, умалчивали о том, что противная сторона тоже не стеснялась в выборе средств.

Немотивированная жестокость по отношению к повстанцам прослеживается уже на уровне принятия решений командованием частей, выделенных для борьбы с мятежниками. Вот несколько примеров. В приказе от 4 июля 1920 г. по 445-му отдельному стрелковому батальону 87-й бригады войск внутренней охраны (ВОХР) командиру экспедиционного отряда С. Д. Антонову, направленному на подавление мятежа в Михайловскую волость Славгородского уезда, предоставлялось право «при ликвидации означенного восстания не останавливаться ни перед чем»¹⁵. В распоряжении командира 87-й бригады ВОХР Ф. А. Пасынкова, отданном 11 июля 1920 г. комбату-444 Анатолию (М. И. Ворожцову), содержались такие указания относительно методов подавления мятежа: «... Главное — не засиживайтесь [в одном месте] и не сентиментальничайте, все делайте

быстрее и решительнее, если находите нужным — расстреливайте десятками на месте, а также берите заложников ...»¹⁶ 20 июля 1920 г. временно исполняющий должность командующего Семипалатинской группой советских войск отдал подчиненным ему частям приказание при подавлении восстания «всех главарей и мятежников расстреливать без суда, применяя к последним террор»¹⁷.

Красная Армия изначально была сильна тем, что приказы в ней не обсуждались, а выполнялись и даже перевыполнялись. Так было и на этот раз. Подавление большинства мятежей, вспыхнувших в Сибири в 1920 г., сопровождалось откровенным произволом со стороны красных по отношению к населению. «В последнее время, — говорится в приказе военного комиссара 76-й стрелковой бригады Н. Н. Гладышева от 13 июля 1920 г., — от крестьян [Славгородского] уезда поступает масса жалоб на то, что красноармейцы частей вверенной мне бригады, действующих на повстанческом фронте, ведут себя по отношению к крестьянам очень скверно. Были случаи воровства различных вещей, даже денег, самочинные обыски, реквизиции. Также замечено, что красноармейцы слишком грубо, даже жестоко, обращаются с пленными повстанцами...»¹⁸. Приведу выдержку из приказа командира 64-й бригады ВОХР С. Г. Пичугова от 15 июля 1920 г.: «... Некоторые из частей вверенной мне сводной группы, действующие по ликвидации [Колыванского] восстания мелкими командами, позволяют себе самочинно публично производить обыски, аресты и даже избиение крестьян»¹⁹. А вот свидетельство начальника Мариинского уездного политбюро К. А. Зыбко, содержащееся в заявлении на имя председателя ВЦИК М. И. Калинина: «Со времени лубковского восстания* [в сентябре 1920 г.] в Мариинском уезде все время находились войска ЧК. Последние, стоя в уезде, производили массу расстрелов гражданского населения; эти расстрелы, [которые] производили на глазах комячеек и милиции, конечно, не могли не отразиться на психологии последних. Видя то, что войска ЧК расстреливают, последние так же взялись за дело...»²⁰.

Особенно жестоко вели себя регулярные советские войска и коммунистические части особого назначения, принимавшие участие в подавлении Бухтарминского мя-

* Восстание получило такое название по имени его руководителя П. К. Лубкова, жителя села Святославка Мариинского уезда.

тежа. Насилию и грабежам подверглись тысячи жителей богатых казачьих станиц и старожильческих поселков. Но и в этом страшном ряду выделяется трагическая судьба поселка Берель Черновинской волости. 20 августа 1920 г. отряд, состоявший из красноармейцев 229-го стрелкового полка, членов Березовской и Черновинской комячеек, выбил повстанцев из Берели. Начались повальные обыски и грабежи, для сокрытия которых по приказу командира сводного отряда Мякишева поселок был подожжен в центре и со всех сторон. После пожара в Берели уцелело всего 10 домов²¹.

Наконец, красnobандитские настроения и действия во многом провоцировали белобандиты, ряды которых составили остатки колчаковцев и мятежников, дезертиры и другие категории населения, вступившие в конфликт с советскими порядками. Приведу маленькую иллюстрацию на указанную тему. 11 октября 1920 г. Холмогойская комячейка Черемховского уезда, рассмотрев вопрос об убийстве братьев Арнаутовых белобандитами, постановила «на белый террор ответить красным террором». Конкретно советским органам было предложено, во-первых, конфисковать имущество находившихся в белой банде братьев Алексеевых, братьев Переваловых и Мегерова, во-вторых, расстрелять находившихся в тюрьме местных контрреволюционеров Г. Ф. Перевалова, И. Е. Шебалина, Н. Е. Шебалина, А. Н. Шебалина и В. М. Фролова. А венчал решение холмогойских коммунистов ультиматум с оттенком легкого шантажа: «Если это постановление не будет приведено в исполнение, то все советские организации Холмогойской волости слагают с себя ответственность за спокойствие данного района от террора белых и заявляют, что если не будет к заключенным контрреволюционерам применен расстрел, то все активные работники могут погибнуть от рук белых банд»²².

Здесь естественно поставить вопрос о том, знали ли руководящие властные структуры о несанкционированном произволе, творившемся в сибирской деревне, и если знали, то как на эти события реагировали.

Можно совершенно определенно утверждать, что губернское и уездное руководство располагало информацией общего характера о поведении сельских советских органов, комячеек и воинских частей. Так, 27 октября 1920 г. отдел управления Семипалатинского губисполкома Советов направил отношение в губернское бюро РКП(б), в котором, основываясь на полученных с мест

данных, обращал внимание на неудовлетворительное состояние сельских комячеек и на недопустимость их вмешательства в деятельность административных органов. Такое поведение комячеек, говорилось в упомянутом документе, «дает отрицательные результаты в партийном отношении и дискредитирует в глазах широкого населения и партию и Советскую власть»²³. Выступая 24 декабря 1920 г. на заседании президиума Енисейского губкома РКП(б), член Ачинского уездного комитета партии Я. П. Зоссе без обиняков заявил, что местные комячейки «в большинстве своем подрывают престиж и партии и власти»²⁴. Количество аналогичных свидетельств без труда можно умножить.

Почти во всех случаях, когда партийное, советское и военно-политическое руководство получало конкретные данные о грубейших нарушениях революционной законности (мародерстве, арестах, самосудах), реакция следовала незамедлительно, хотя была различной в зависимости от характера правонарушений и их масштабов. В уже цитированных мною приказах военкома 76-й стрелковой бригады Н. Н. Гладышева и комбрига-64 С. Г. Пичугова самочинные поступки красноармейцев и командного состава решительно осуждались, а Н. Н. Гладышев, разъяснив их недопустимость, предупредил, что красноармейцы и командиры, замеченные в мародерстве и жестоком обращении с населением, будут строго наказываться вплоть до расстрела на месте²⁵. Получив рапорт и доклад военкома отрядов, действовавших против повстанцев в Семипалатинской губернии, военный комиссар 48-й бригады ВОХР С. Р. Шоргин 8 августа 1920 г. издал распоряжение, в котором предложил «принять самые решительные меры по пресечению в действующих отрядах мародерства и других преступлений»²⁶. 17 ноября 1920 г. инспектор и военком особых отрядов 5-й армии и Восточно-Сибирского военного округа Б. Н. Великосельцев издал приказ о недопустимости самочинных действий по отношению к мятежникам и мирному населению, мотивируя это тем, что «восстание вспыхнуло во многих местах лишь благодаря незнательности крестьян»²⁷.

По линии советских органов также были отданы приказы и распоряжения, категорически запрещающие самовольные обыски, конфискации, реквизиции, аресты и самосуды. Лица, виновные в несоблюдении этих директив, должны были немедленно предаваться суду. В свою очередь, губкомы и Сиббюро ЦК РКП(б)

направили на места циркуляры, в которых ячейкам за-
прещалось брать на себя функции административных
органов²⁸.

В отдельных случаях последовала более жесткая ре-
акция. Так, по факту внесудебного расстрела восьми
граждан Осинской волости Балаганского уезда 16-м осо-
бым отрядом 5-й армии председатель выездной сессии
ревтрибунала возбудил против подозреваемых уголовное
дело²⁹. По указанию Семипалатинского губкома РКП(б)
губвоенкомат издал приказ о разоружении замешанных
в бандитизме комячеек Бухтарминского края³⁰. За само-
чинный расстрел пятнадцати человек, самовольные кон-
фискации имущества населения и раздачу такового
красноармейцам, незаконный арест председателя ревко-
ма и комячейки Усть-Нарымской станицы Бухтармин-
ского края был предан суду ревтрибунала командир
3-й роты Усть-Каменогорского караульного батальона
Н. Бусыгин. Заседавшая 31 декабря 1920 г. выездная
сессия Семипалатинского губревтрибунала приговорила
его к высшей мере наказания, тут же, однако, заменен-
ной пятью годами лишения свободы³¹. В январе 1921 г.
перед судом ревтрибунала 5-й армии предстала группа
советских военнослужащих во главе с военным комиссаром
Верхоленского уезда Иркутской губернии
А. Л. Быргазовым. Они обвинялись в том, что в конце
1920 г. во время подавления антисоветского восстания
самочинно убили главаря одной из бандитских группи-
ровок С. С. Соловьева, его беременную жену и четве-
рых детей. Выездная сессия ревтрибунала приговорила
А. Л. Быргазова и двух его подчиненных к расстрелу.
Но, как говорится, еще не успели высохнуть чернила,
которыми был написан приговор, как первоначальное
решение суда оказалось пересмотренным. 4 февраля
1921 г. ревтрибунал заменил А. Л. Быргазову и его по-
дельникам высшую меру наказания пятью годами лише-
ния свободы, мотивируя пересмотр приговора тем, что
подсудимые действовали в состоянии аффекта, вызван-
ного зверскими расправами над коммунистами и совет-
скими служащими со стороны бандитов³².

Приведенные материалы дают основание для вывода
о том, что адекватного ответа на первую волну красно-
бандитских преступлений со стороны руководящих вла-
стей Сибири не последовало. Их реакция в основном
свелась к словам, эффективность которых была почти
нулевой. Насколько мне удалось установить, уголовные
дела по фактам красного бандитизма в 1920 г. правоох-

ранительные органы завели всего в четырех случаях и обвинительные приговоры вынесли тоже только четверем человекам. Правда, справедливости ради необходимо договориться: о некоторых случаях красного бандитизма, происшедших в 1920 г., руководство советской Сибири узнало с опозданием, только в следующем году.

* * *

Постепенный пересмотр взглядов руководящих партийно-советских инстанций Сибири на природу красного бандитизма, а затем и на методы борьбы с ним наметился в начале 1921 г. Наиболее отчетливо эта эволюция прослеживается в позиции руководства Алтайской губернии. Если в 1920 г. возникновение красного бандитизма объяснялось им преимущественно неэффективностью советской карательной политики и недовольством ею со стороны пострадавшего от контрреволюции населения, то уже в начале 1921 г. акценты стали существенно смещаться: приходит понимание того, что главными виновниками красного бандитизма являются коммунисты и советские работники.

Первые признаки нового видения старой проблемы прослеживаются по секретным циркулярным письмам Алтайского губкома РКП(б), 22 января и 1 февраля 1921 г. направленным в уездные комитеты партии, в комячейки и отряды особого назначения. В письмах по-прежнему изрядное по объему место занимала коммунистическая риторика на тему о гнусной деятельности контрреволюции всех мастей и необходимости беспощадной борьбы с нею, в очередной раз приводились, признавались и осуждались конкретные факты произвола и насилия — конфискации имущества, аресты, расстрелы, чинимые коммунистами и советскими сотрудниками. Но не только. Впервые эти действия — правда, не очень вразумительно и четко — квалифицировались как бандитские и даже контрреволюционные. «Такие анархические, партизанские действия, — говорилось в первом письме, — свидетельствуют только о том, что некоторые ячейки превращаются в шайки бандитов, терроризируют крестьянскую массу и не признают органов Советской власти — чека, ревтрибуналы и т. д.»³³.

Оценки, сформулированные во втором циркуляре, были еще категоричнее и жестче: «Такие действия превращают комячейку в шайку бандитов, место которой не в рядах сознательных коммунистов, а в концентрационном лагере; такие действия на руку контрреволюцио-

нерам и они радуются, когда комячейки так поступают»; «необдуманные действия комячеек порождают и усиливают контрреволюцию»; «все такие действия являются контрреволюционными и должны встретить дружный отпор со стороны истинных друзей Советской власти — коммунистов не на словах только, а и на деле»³⁴.

Новая оценка социального феномена предполагала и иное к нему отношение. С красным бандитизмом (хотя этот термин в цитированных документах еще отсутствовал) рекомендовалось вести борьбу уже не только путем увещаний, разъяснения членам комячеек их прав и обязанностей, но и исключением виновных из рядов РКП(б), преданием их суду ревтрибуналов как бандитов, затесавшихся в Коммунистическую партию и подрывающих авторитет Советской власти.

Представляется, что жесткость приведенных оценок была обусловлена возникновением в рамках красного бандитизма принципиально новой тенденции. В декабре 1920 г. Алтайская губчека арестовала около десятка коммунистов и советских работников, в основном сотрудников губернского уголовного розыска, включая начальника последнего А. П. Елькина — большевика с 1917 г., в прошлом одного из руководителей барнаульского антиколчаковского подполья. Тогда же комиссия Алтайского губкома РКП(б) и губисполкома Советов сняла со всех постов и произвела аресты партийно-советской верхушки Горно-Алтайского уезда во главе с В. И. Плетневым, прославившимся своей самоотверженной борьбой против белогвардейцев в качестве командира красногвардейского отряда.

Причинами ареста обеих групп, объединившихся вокруг Елькина и Плетнева, стали отнюдь не уголовные преступления, хотя руководящая головка Горно-Алтайского уезда принимала в них самое непосредственное участие, а совсем другие, политические мотивы. Алтайская губчека располагала информацией о том, что на организационном собрании группы Елькина обсуждался вопрос о способах борьбы с буржуазными специалистами и руководящими работниками, присланными из центра, из-за которых, по их мнению, на местное население были возложены непосильные государственные задания. На собрании были высказаны и рассматривались два предложения относительно того, как устранить такое положение вещей. Первое состояло в том, чтобы провести среди коммунистов и в частях особого назначения агитацию против специалистов и представителей

центра, а если потребуется, то силой оружия изгнать их с Алтая. Освобожденные ими места в государственных учреждениях должны были занять исключительно низовые работники-выдвиженцы. Таким образом предполагалось воплотить в жизнь «настоящую Советскую власть», стоящую на страже интересов местного населения. Второе предложение, внесенное Елькиным, состояло в организации тайного террора против специалистов и «центровиков», чтобы как можно быстрее вынудить их покинуть пределы Алтая. Оно и было принято³⁵.

Плетнев же еще с июля 1920 г. подозревался Горно-Алтайским политбюро в том, что, будучи коммунистом, одновременно стоял во главе организации анархистского толка. На основании полученной от Горно-Алтайского политбюро информации председатель Алтайской губчека Х. П. Щербак 4 августа предложил председателю губисполкома Советов отозвать Плетнева из Горного Алтая в Барнаул для работы в одном из советских учреждений, чтобы можно было, как говорилось в чекистском документе, «учредить за ним усиленную слежку»³⁶.

Плетнева тогда не стали переводить на новое место службы, а вот о его недовольстве использованием специалистов и назначением руководящих работников из центра чекисты были хорошо осведомлены, что и послужило причиной отстранения Плетнева от должности и последующего ареста³⁷.

Аналогичные меры по указанию Семипалатинского губкома РКП(б) в начале 1921 г. были применены в отношении члена Бухтарминского уездного ревкома Ф. Д. Толстоухова, пользовавшегося среди крестьянской бедноты огромным авторитетом за свое партизанское прошлое и активное участие в борьбе против белобандитов. Политические прегрешения Толстоухова перед диктатурой пролетариата оказались несколько иными, чем у Елькина и Плетнева, но не менее серьезными. Будучи человеком образованным и политически грамотным (учитель по профессии, был хорошо знаком с одним из лидеров левых эсеров М. А. Спиридоновой), являясь кандидатом в члены РКП(б), он, однако, никакой работы среди населения по заданию партийных и советских органов не вел. Напротив, используя свой моральный авторитет, он по сути дела подчинил себе лично сельские комячейки уезда. Вместе с Толстоуховым, под его руководством они согласны были не только жить и воевать, но и, если потребуется, умереть. Именно под влиянием Толстоухова в конце 1920 г. комячейки отказа-

лись выполнить приказ Семипалатинского губвоенкомата о разоружении, заявив: «Оружие никому не сдадим, трудно было его получить, а отдать обратно никому не отдадим»³⁸.

Во многом похожие события стали назревать в начале 1921 г. в Минусинском уезде, который в период колчаковщины являлся основной базой партизанской армии А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина. Здесь наметился раскол городской и уездной организаций РКП(б) на «централистов» и «сепаратистов». Первые выступали за безусловное доверие и подчинение вышестоящим органам, тогда как вторые саботировали политику центра, особенно в продовольственном вопросе. «Сепаратисты» состояли преимущественно из бывших партизан и группировались вокруг С. К. Сургуладзе — в прошлом председателя армейского Совета минусинских партизан. Коммунисты-«сепаратисты» начали без ведома уездного комитета РКП(б) проводить свои организационные мероприятия, в том числе наметали созвать в Минусинске съезд бывших партизан для производства «чистки» города от контрреволюционеров³⁹. Но до открытого конфликта дело не дошло, поскольку вскоре лидер «сепаратистов» был откомандирован на партийную работу в Грузию.

Арестами А. П. Елькина, В. И. Плетнева, Ф. Д. Толстоухова и откомандированием из Сибири С. К. Сургуладзе проблема не была исчерпана. Размежевание большевистских рядов на сторонников и противников политики московского центра, особенно в Алтайской губернской партийной организации, продолжало углубляться, а убийство из-за угла по-прежнему рассматривалось вторыми как одно из эффективных средств борьбы против первых и их устранения с руководящих должностей⁴⁰.

Такое развитие событий лидеры сибирской партийной организации объясняли исключительно ее преимущественно крестьянским составом. Например, член Сибирской контрольной комиссии РКП(б) Л. Б. Суница писал, что преобладание в местной партийной организации крестьянства создало не только оппозиционное, но и подчас «упорно враждебное отношение к центрам как к беспощадным проводникам политики пролетарской диктатуры»⁴¹. В действительности причина была намного глубже. Она коренилась в прогрессирующем недовольстве различных слоев свободолюбивого населения Сибири жестким организационным централизмом совет

ской государственной системы, трудовыми повинностями, продовольственной и иными разверстками, всей системой «военного коммунизма». Настроение и поведение многих местных большевиков, особенно бывших партизан и подпольщиков, являлись лишь составной частью и отражением общего недовольства «военно-коммунистическими» порядками. Тем самым основа для внутривластного конфликта при сохранении старого правительственного курса должна была неизбежно расширяться, подпитывая собой краснобандитские настроения и действия той части сибирских коммунистов, которые считали себя выразителями местных интересов.

Начало 1921 г. прошло под знаком дальнейшего усиления красного бандитизма. Его эпицентром стали Причерный край Алтая (восточная часть Барнаульского и северная часть Бийского уездов), Ачинский уезд Енисейской и Мариинский уезд Томской губерний. Правда, эти вспышки были если не порождены, то во всяком случае спровоцированы действиями контрреволюционных элементов. В Причерном крае такую роль сыграл Сорокинский мятеж (названный так по наименованию волостного села, где находился главный штаб повстанцев), вспыхнувший в середине января 1921 г. В Ачинском и Мариинском уездах главными возмутителями спокойствия оказались белобанды, возглавлявшиеся полковником А. Р. Олиферовым и казаком И. Н. Соловьевым.

Состоявшие из местных коммунистов отряды особого назначения в ходе подавления Сорокинского мятежа и в борьбе с белобандитами допустили много беззакония. Они без каких-либо оснований конфисковывали у населения имущество и перераспределяли его между собой, производили аресты и расстрелы. Например, Алтайская губчека и Бийское политбюро были переполнены арестованными. Как всегда, страдали не только виноватые, но и совершенно невинные люди⁴².

Весьма показательное такое свидетельство. Весной 1921 г. дислоцировавшуюся на Алтае 26-ю Златоустовскую стрелковую дивизию сменила 21-я Пермская стрелковая дивизия, до того находившаяся в Европейской России. Порядки, царившие в Алтайской губернии, особенно произвол со стороны местных комячеек и отрядов особого назначения, поразили командиров и политработников Пермской дивизии. Они прямо заявили Алтайскому губкому РКП(б), что не привыкли к такому отношению к крестьянству, а часть дивизионных пар-

тийных организаций и беспартийных красноармейцев открыто выразила свое возмущение поведением местных комячеек и отрядов особого назначения⁴³.

Со стороны партийного руководства и военного командования последовали очередные санкции.

1 марта 1921 г. Ачинский уездный комитет РКП(б) принял решение, обязывавшее начальника уездной милиции П. Е. Пруцкого арестовать А. Колтыгу — одного из наиболее «отличившихся» своими безобразными действиями командиров коммунистических отрядов особого назначения, имевшего за своими плечами партизанское прошлое, и передать его в ведение губчека⁴⁴. Через несколько дней указание партийного руководства было выполнено. Причем П. Е. Пруцкий во избежание нежелательных последствий арестовал обоих братьев: не только Антона, но и Дмитрия, мотивируя это тем, что «дальнейшее пребывание бр[атьев] Колтыгиных в пределах Ачинского уезда недопустимо, ибо они, по полученным гласным сведениям, действуют противозаконно, чем и подрывают власть Советской Российской республики»⁴⁵.

Командующий группой войск, занятой подавлением Сорокинского мятежа, 7 марта 1921 г. отдал приказ всем местным волостным и сельским комячейкам, категорически воспрещавший им какие-либо самостоятельные действия. Их задачи ограничивались информированием воинских частей об обстановке на местах и оказанием содействия в проведении совместных операций. В приказе подчеркивалось, что любое самочинное выступление комячеек будет расцениваться как проявление бандитизма⁴⁶. Мелкие коммунистические отряды особого назначения были объединены в крупные формирования и переведены на казарменное положение. В них развернули политико-просветительную работу, на проведение которой откомандировали члена губкома РКП(б), четырех членов уездных парткомов и 15 рядовых партийных сотрудников. Несколько младших командиров отрядов ЧОН, замешанных в красном бандитизме, по указанию Алтайского губкома РКП(б) были преданы суду революционного трибунала⁴⁷.

Губком высоко оценил эффективность принятых мер. Уже в одном из его майских секретных циркулярных писем утверждалось, что «случаи незаконных действий со стороны местных ячеек быстро идут на убыль»⁴⁸. А в середине июля 1921 г. начальник коммунистических войск Алтайской губернии Л. М. Родионов доложил президиуму губкома РКП(б) о том, что с

самочинными действиями коммунистических отрядов покончено⁴⁹.

Однако информация, поступавшая весной — летом 1921 г. в Алтайский губернский и уездные комитеты РКП(б) с мест, свидетельствовала о другом: три человека были самовольно расстреляны коммунистическим отрядом Усть-Чарышской пристани Бийского уезда, восемь — отрядом ЧОН Шипуновской волости Барнаульского уезда, двенадцать человек — чоновцами Корниловской, Ново-Поперечинской, Ново-Ярковской и Платавской волостей Каменского уезда — таковы лишь некоторые конкретные факты⁵⁰. А вот главные выводы о состоянии коммунистических частей Алтая, сделанные специальной комиссией по результатам июньской инспекции: «Самовольные реквизиции, грабежи, убийства — обычное явление, случаев много»; «комчасти своими действиями, самочинными реквизициями, грабежами, убийствами над беспартийным населением подходят ближе к бандитам...»⁵¹

Примерно такой же оставалась обстановка в Ачинском и Мариинском уездах. Состоявшееся 22 июня 1921 г. объединенное заседание президиумов Ачинского уездного комитета РКП(б) и уездного исполкома Советов признало, что белый бандитизм на юге уезда сохраняется и на севере нарождается «благодаря анархической партизанской вольнице, терроризирующей мирное население». Оно обратилось к губернскому руководству с такими просьбами: откомандировать за пределы уезда и губернии не только уже упоминавшегося А. Колтыгу, но и еще двух бывших партизанских командиров, возглавлявших коммунистические отряды особого назначения, — М. Х. Перевалова и В. А. Уланова; осуществить переброску причастного к нарушениям законности командного и рядового состава местной милиции в другие места службы; отозвать отряды ЧОН из района боевого участка и передать ликвидацию белобандитизма частям регулярной Красной Армии⁵².

По авторитетному свидетельству начальника Мариинского уездного политбюро К. А. Зыбко, в первой половине 1921 г. «террором был охвачен весь Мариинский уезд... Террор производили почти все комячейки совместно с партизанами, служащими в милиции. Руководящую роль [в осуществлении] террора взяли на себя некоторые н[ачальни]ки районных милиций и районные партийные инструкторы»⁵³. Если верить Е. М. Ярославскому, то от «подвигов», которые творили сельские ком-

мунисты совместно с сотрудниками милиции и политбюро, Мариинский уезд «стоном стонал», а крестьяне убежали в леса⁵⁴.

География красного бандитизма не оставалась неизменной. Совершенно четко прослеживается тенденция к ее дальнейшему расширению за счет все новых и новых районов. Весной 1921 г. эпидемия красного бандитизма охватила наряду с Мариинским и все остальные уезды Томской губернии. Особенно сильно она поразила территорию Кузбасса. Здесь образовались многочисленные террористические группы, состоявшие из бывших партизан, сотрудников милиции и политбюро, советских работников. В деревнях они преследовали кулаков или занимались взаимоуничтожением, в рабочих поселках и городах главными объектами их террора были специалисты⁵⁵. Пожалуй, самой крупной антиспецевской акцией красnobандитов стала фабрикация сотрудниками Щегловской уездной милиции и политбюро так называемой «первомайской Кемеровской контрреволюционной организации», в процессе «раскрытия» которой было арестовано и передано в Томскую губчека 36 чел. Аналогичную провокацию против специалистов подготовила и в июне 1921 г. начала осуществлять милиция Анжеро-Судженских копей, но эта акция была сорвана местным партийным руководством⁵⁶.

Серьезные признаки того, что красnobандитские настроения глубоко поразили партийно-советское руководство на местах, весной 1921 г. обнаружилось в Балаганском и Черемховском уездах Иркутской губернии. В начале марта Черемховский уездный комитет РКП(б), военкомат, политбюро, городской исполком Советов, руководство производственного объединения «Ируголь» и профсоюза горняков направили в Иркутский губком РКП(б), губисполком Советов и губчека совместный доклад, в котором заявили, что если губернский центр будет по-прежнему проявлять гуманность по отношению к действиям контрреволюции, то они снимут с себя всякую ответственность за положение дел. В докладе содержалось требование принять для подавления контрреволюции самые решительные меры, в том числе немедленно расстрелять ее главарей, находившихся под арестом. Авторы доклада категорически утверждали, что «только такие меры способны сдержать [стихийные самосуды] и удовлетворить истинно пролетарские массы»⁵⁷.

Иркутский губком РКП(б) незамедлительно отреагировал на обращение черемховского руководства. 19 мар-

та 1921 г. он заслушал доклад представителя Черемховского уездного парткома о росте контрреволюционной агитации в угольном районе и мерах борьбы с ней. Губком РКП(б) предложил губчека активизировать свою работу в угольном районе, в частности, рекомендовал произвести расследование всех инцидентов, в которых подозрение падало на белогвардейцев, и очистить район от лиц, вносивших возбуждение в массы. В то же время перед уездным комитетом РКП(б) ставилась задача принять все меры для того, чтобы не допустить самочинных действий над противниками Советской власти со стороны как коммунистов, так и беспартийных рабочих. Позиция Черемховского уездного парткома по вопросу о борьбе с контрреволюцией квалифицировалась губкомом РКП(б) как недопустимая, а требования полной самостоятельности оперативных действий против белобандитов, собственного суда и расправы над ними были оценены как «полное непонимание черемховскими товарищами общих положений организации Советской власти»⁵⁸.

Увещевания губернского центра пошли впрок, но ненадолго. 16 августа 1921 г. президиум Зиминского (Черемховского) уездного комитета РКП(б), ссылаясь на усиление белобандитизма и невозможность красноармейских частей справиться с ним своими силами, вновь запросил у губкома партии и губисполкома Советов право на организацию собственного боевого отряда с предоставлением ему широких полномочий для ликвидации контрреволюции. В постановлении имелась также ссылка на то, что «пение только похоронного марша павшим товарищам стало нервировать организацию»⁵⁹.

Исключительно бурным было заседание ответственных политических работников Балаганского уезда, проходившее 14 мая 1921 г., на котором обсуждался вопрос о ликвидации белобандитизма. Накал страстей, бушевавших на заседании, легко понять: от руки белобандитов в уездной организации РКП(б) погибло 136 чел. Подвергнув острой критике военное командование за неэффективные методы и неудовлетворительные результаты борьбы, участники заседания высказались за немедленное создание путем партийной мобилизации коммунистического отряда численностью не менее 100 чел., обладающего свободой оперативных действий. Правда, заседавший в тот же день президиум Балаганского уездного комитета РКП(б) высказался не столь категорично. Он постановил сформировать отряд только в случае необходимости⁶⁰. Можно было почти безошибочно прогнози-

ровать, что такие настроения в скором времени обернутся вспышкой коммунистического произвола и насилия.

К тому же весной-летом 1921 г. красный бандитизм получил дополнительный импульс для своего развития еще с одной, причем с совершенно неожиданной, стороны. В марте X съезд РКП(б) принял резолюцию о замене продразверстки натуральным налогом, положившую начало переходу от «военного коммунизма» к новой экономической политике. Постановлением Сибирского ревкома от 30 марта 1921 г. во всех уездах края, выполнивших более 75 % разверстки, был разрешен свободный товарообмен и отменено внутриволостное перераспределение продовольственных излишков⁶¹. Два-три месяца спустя обе меры были распространены на всю территорию края.

Новый партийно-правительственный курс натолкнулся, однако, на сопротивление со стороны значительной части тех групп населения Сибири, которые являлись опорой Советской власти: многих сельских коммунистов, чоновцев, сотрудников милиции и ВЧК, беспартийной бедноты. Поскольку указанный феномен не только не анализировался историками, но и практически не фиксировался в исследовательской литературе, выскажу свои соображения о причинах его возникновения. Главными из них представляются следующие.

Новоиспеченные сибирские большевики, вступившие в РКП(б) от силы несколько месяцев тому назад, из речей агитаторов, листовок и «Азбуки коммунизма» лучше всего усвоили, что кратчайший путь в светлое будущее лежит через мировую революцию, установление всеобщего равенства и выполнение государственных разверсток. Теперь же им предлагали заниматься организацией товарообмена и не препятствовать свободной торговле. Между тем интеллект рядовых коммунистов явно не позволял им без большого временного лага усваивать новые лозунги и тем более новую тактическую линию, выработанную партийным руководством. Не случайно, а, скорее всего, вполне закономерно, что отказ от разверстки, ориентацию на товарообмен и свободную торговлю многие из них на первых порах восприняли как банкротство коммунистических идеалов и предательство их интересов. Возникла ситуация, которую член Сибирского бюро ЦК РКП(б) И. И. Ходоровский метко определил как «своего рода кризис сознания»⁶².

Практические действия коммунистов, а также результаты таковых, вытекавшие из непонимания нэпа,

хорошо отражены в отчете Бийского уездно-городского комитета РКП(б) за апрель 1921 г. В нем говорится: «Не отвыкшие еще от партизанских методов борьбы и работы сибирские коммунисты, на которых поднималась вся глухая ненависть кулаков по поводу проведенной разверстки, никак не могут освоиться со взятым в настоящее время курсом нашей партии на середняка и хозяйственного крестьянина. Они не могут понять того, что сейчас необходимо оказывать содействие в хозяйственном отношении тому кулаку, с которым они враждовали всю зиму, и у них еще больше разгорается злоба, и они еще с большим рвением принимаются за реквизиции и конфискации. Местами наблюдается явление, которое можно назвать коммунистическим бандитизмом»⁶³.

Наряду с социально-психологическими и идеологическими существовали также совершенно прозаические экономические причины, побуждавшие сельский партийно-советский актив и деревенскую бедноту сопротивляться новому курсу. Дело в том, что эти категории населения жили преимущественно за счет внутриволюстного перераспределения продовольственных излишков. Запрет такового лишил их важнейшего источника существования и поставил в труднейшее положение. «Замечается недовольство новой продполитикой со стороны некоторых комячеек и деревенской бедноты, главным образом люмпен-пролетарского характера, боящихся развития спекуляции и потери своих прежних привилегий в связи с ограничением перераспределения», — констатировалось в отчете Алтайского губкома РКП(б) за май 1921 г.⁶⁴

Отказ от разверстки в качестве метода государственных заготовок не означал, что Сибирь перестала рассматриваться как источник продовольствия для Советской России. Напротив, весной—летом 1921 г. она осталась единственным регионом, на который центр возлагал надежду в своих планах по спасению страны от голода⁶⁵. Только теперь получить хлеб от сибирского крестьянства намечалось путем организации государственного и кооперативного товарообмена. 30 мая 1921 г. Сиббюро ЦК РКП(б) направило в губкомы партии циркулярное письмо, в котором содействие товарообменным операциям определялось для местных партийных организаций как наиболее ответственное задание на ближайшие два месяца работы⁶⁶.

Естественно, наладить товарообмен без участия и тем более помимо низовых партийных и советских органов было практически невозможно. Однако многие дере-

венские комячейки, сельсоветы и волисполкомы при активной поддержке бедноты выступили против товарообмена. Крестьян, располагавших излишками хлеба, они считали кулаками, спекулянтами и злостными противниками Советской власти, а имевшиеся у них запасы продовольствия — умышленно утаенными от сдачи в разверстку и потому подлежащими конфискации или перераспределению среди нуждающихся. Почти как всегда, наиболее рельефно такая линия поведения местного партийно-советского актива и деревенских низов проявилась в Алтайской губернии. «100 — 150 тыс. бедноты, — говорилось об этом в циркулярном письме Полномочного представительства ВЧК по Сибири от 14 августа 1921 г., — высказываются за разверстку и всеми средствами мешают проведению товарообмена. Бедняцкая часть комячек отбирает у крестьян хлеб, предназначенный для товарообмена, и сплошь и рядом убивает зажиточных крестьян. Благодаря этому крестьяне боятся везти хлеб для товарообмена»⁶⁷.

Но так же или примерно так же развивались события и в других губерниях Сибири. Приведу фрагмент из уже цитировавшегося доклада комиссии Сиббюро ЦК партии пленуму ЦК РКП(б): «С весны 1921 года в красный бандитизм начала вливаться новая струя недовольства политикой Советской власти, имеющая гораздо более глубокие политические и экономические основы. Тот слой деревенского населения, из которого вербуются красные бандиты, это либо беднота, либо элементы, разоренные Колчаком и отброшенные в ряды бедноты. До весны 1921 г. они экономически поддерживались государством и жили за счет внутреннего перераспределения излишков продовольствия, остающихся после разверстки; вместе с тем они были опорой Советской власти в деревне. С отменой разверстки они утратили экономический базис, почувствовали себя столь же обездоленными, как были при Колчаке, и почувяли, что новый курс неизбежно ведет к усилению враждебных им элементов и понижает их собственное влияние. Эти обстоятельства все более делают их из просто недовольных — резко политически враждебными Советской власти. Нового курса они не приемлют. На этой стадии красный бандитизм начинает принимать уже другие формы: вместо самочинной расправы с контрреволюционерами те же группы начинают активно срывать новую продполитику; продолжают производить внутреннее перераспределение, конфискуют и реквизируют те продукты, которые от-

дельными домохозяевами везутся для целей товарообмена и т. д.»⁶⁸

Здесь почти все правильно. Исключение составляет только утверждение о том, что сопротивление новой продовольственной политике стало как бы замещать собой самочинные расправы над людьми. Оно глубоко ошибочно. Напротив, летом 1921 г. насилия и убийства, совершаемые красными бандитами, приняли массовый характер. В последнем легко убедиться, обратившись к информационным материалам уездных и губернских комитетов РКП(б), местных губчека и Полномочного представительства ВЧК по Сибири⁶⁹. В результате произошло резкое изменение в соотношении между белым и красным бандитизмом: если в 1920 г. красный бандитизм в какой-то мере являлся ответной реакцией на белый, то в 1921 г. он становится одной из главных причин и источником развития белобандитизма⁷⁰. Выступая на 4-й Всесибирской партийной конференции с отчетным докладом о работе Сиббюро ЦК РКП(б), его секретарь В. Н. Яковлева назвала ликвидацию красного бандитизма первоочередной задачей коммунистов Сибири⁷¹.

* * *

Во время поиска материалов о красном бандитизме я постоянно держал в поле зрения в качестве приоритетных три взаимосвязанных вопроса: какой информацией о красном бандитизме располагало руководство Сибири, как оно интерпретировало эти данные и как на них реагировало. Целенаправленный интерес к названным вопросам объясняется очень просто. Высший партийный орган края — Сиббюро ЦК РКП(б) — существовал на правах отдела ЦК большевиков; высший советский орган — Сибирский ревком — являлся филиалом Совета народных комиссаров; вооруженными силами и военными учреждениями края руководил специальный штаб во главе с помощником Главнокомандующего всеми вооруженными силами республики по Сибири; органы ВЧК возглавляло Полномочное представительство ВЧК по Сибири. В совокупности они обладали такими правами и возможностями, что при необходимости могли кардинально повлиять на решение любой проблемы.

Анализ документов, имеющих в архивных фондах названных органов, дает основание утверждать, что сведения, позволяющие правильно оценить причины возникновения, масштабы распространения и природу красного бандитизма, они получали вовремя и в должном

объеме. В порядке подтверждения можно сослаться на отчет Сиббюро ЦК РКП(б) за март-апрель 1921 г., подготовленный для ЦК партии. Вот фрагмент из этого отчета, посвященный красному бандитизму: «Надо отметить еще одно явление в сибирских организациях — так называемый “красный бандитизм“. Красный бандитизм охватывает не только крестьянские ячейки, но и рабочие, особенно в рабочих районах. Отличительные черты красного бандитизма: 1) что он питается соками старой партизанщины, 2) что партийные массы в целом ряде мест разочаровываются в решительной борьбе Советской власти с различного рода контрреволюционными элементами и решают эту борьбу принять на себя. На этой почве отдельные члены организации собираются в особые группы, которые арестовывают и убивают тех лиц, которых они считают контрреволюционерами: кулаков, отдельных лиц, которые когда-либо в прошлом служили у Колчака, чинивших те или иные неприятности отдельным членам нашей партии. В рабочих ячейках бандитизм направляется на лиц административно-технического персонала. В некоторых местностях группы товарищей, занимающихся красным террором, отливаются в особые нелегальные организации внутри партийной организации, устанавливают особую связь между собой, устраивают нелегальные собрания. Эти группы, как общее правило, отличает яркая ненависть к советскому бюрократизму, а иногда у отдельных товарищей эта ненависть выражается даже в пропаганде и распространении красного террора и на ответственных работников коммунистов. В отдельных редких, правда, случаях красный бандитизм вырождается в свою собственную противоположность и пополняет ряды действующих белых банд, причем комячейки становятся активными руководителями этих банд. Но эти явления имеют место в тех случаях, когда [в] крестьянских комячейках преобладает кулацкий элемент.

В отчетные месяцы красный бандитизм только начинает развиваться, но, находя опору в очень значительной политической безграмотности внутри партийной организации в Сибири, он обнаруживает тенденции к дальнейшему развитию. Явление красного бандитизма отмечается в отдельных районах Алтайской губ., в районах угольных копей и Минусинском и Ачинском уездах Енисейской губ.»⁷²

По меньшей мере три позиции из процитированного документа вызывают возражения или недоумение.

Прежде всего, нельзя согласиться с тем, как были обозначены время возникновения красного бандитизма и пораженная им территория. Когда готовился этот доклад, в распоряжении Сиббюро ЦК РКП(б) и Сибревкома уже имелись материалы, свидетельствовавшие о красnobандитских преступлениях в ноябре-декабре 1920 г., совершенных в Канском уезде Енисейской губернии, в Иркутской и Семипалатинской губерниях.

В то же время совершенно не подтверждается фактическим материалом утверждение авторов доклада о случаях перехода красных бандитов в белые банды. Попутно замечу, что в последующем этот сюжет получил дальнейшее и совершенно неожиданное развитие: красных бандитов стали обвинять в связях с английской и японской шпионской агентурой⁷³. Соответствующую информацию (точнее дезинформацию) партийному и советскому руководству Сибири исправно поставляли органы ВЧК. Она была некритически воспринята «Сибами», поскольку не только предельно упрощала сложную ситуацию, но и как бы все объясняла. Получалось так: красные бандиты — это враги Советской власти, обманом пробравшиеся в ряды РКП(б), и следовательно, не настоящие коммунисты.

Наконец, удивляет отсутствие в докладе Сиббюро ЦК РКП(б) принципиальной оценки красного бандитизма и отношения к нему со стороны сибирского партийного центра большевиков.

В порядке объяснения указанного пробела можно высказать ряд предположений. Первое: возможно, что партийно-советское руководство Сибири выше ценило ультрареволюционную практику, нежели тоже революционную, но законность. Другой вариант: не исключено, что оно не видело в красном бандитизме сколько-нибудь серьезной угрозы ни государственному строю, ни общественному порядку. Третья гипотеза: вполне допускаю, что бандитизм младших товарищей по партии квалифицировался местным руководством по законам политической целесообразности (нравственно и допустимо все, что выгодно революции), поэтому ему не было дано никакой оценки.

Высказанные соображения — отнюдь не досужий домысел. Они имеют под собой достаточные фактические основания. Именно такое постановление — «считать актом политической целесообразности» — Якутское организационное бюро РКП(б) приняло в августе 1920 г. по вопросу об убийстве двумя коммунистами эсера Б. С. Геллерта⁷⁴.

И это не единственный случай. В начале 1921 г. председатель Каркаралинского уездного исполкома Советов В. В. Мей и член того же исполкома Ф. И. Варганов убили человека (по официальной версии — конокрада) «при попытке к бегству». К тому времени уже существовал циркуляр ЦК РКП(б) о двойной ответственности коммунистов за преступления: перед партией и перед Советской властью. На практике циркуляр послужил основанием для того, чтобы решать вопросы об ответственности коммунистов не по суду, а прежде всего или только в партийном порядке. Так получилось и на этот раз. Дело В. В. Мея и Ф. И. Варганова было передано сначала в Сибирскую контрольную комиссию РКП(б), которая постановила в качестве наказания лишить обоих виновных права в течение двух лет занимать ответственные советские должности. Затем 29 апреля 1921 г. его рассмотрело Сиббюро ЦК РКП(б). Оно солидаризировалось с решением Сибирской контрольной комиссии. Кроме того, Сиббюро ЦК пришло к выводу, что В. В. Мей и Ф. И. Варганова нельзя предавать суду ревтрибунала, а гласность дела постановило считать политически вредной⁷⁵.

Не менее показательным делом Гудошина. Являясь начальником особого отряда черемховских коммунистов, он по подозрению в контрреволюции самовольно расстрелял несколько крестьян. Проведенное расследование, однако, установило непричастность крестьян к контрреволюции. Учитывая результаты следствия, а также то обстоятельство, что Гудошин нанес вред престижу Советской власти, президиум Иркутского губкома РКП(б) 13 июня 1921 г. постановил предать его суду ревтрибунала⁷⁶.

Иную позицию заняло Сиббюро ЦК РКП(б). По докладу одного из своих членов И. И. Ходоровского, посетившего в начале июля 1921 г. Иркутскую губернию, оно нашло для Гудошина оправдательные мотивы. В их числе оказались как личные качества Гудошина (недостаточная уравновешенность и дисциплинированность), так и объективные обстоятельства: исключительные условия работы в Черемховском уезде (белый бандитизм, низкая политическая грамотность многих коммунистов, слабая работа парторганизации, мягкотелость местного политбюро по отношению к белобандитам). Принимая все это во внимание, а также учитывая, что пролетарская по своему составу Черемховская большевистская организация поступок Гудошина считала правильным,

Сиббюро приняло решение о невозможности предать его суду⁷⁷.

Единственное из этого ряда исключение — ответная реакция руководства Сиббюро ЦК РКП(б) и Сибревкома на заявление жителя волостного села Витим Киренского уезда Иркутской губернии И. Г. Антипина. Заявление было написано им 4 марта 1921 г. на имя народного комиссара юстиции (копия — в Сибревком) и поступило в канцелярию Сибревкома в середине апреля.

Суть жалобы, содержащейся в заявлении И. Г. Антипина, вкратце (текст самого заявления составляет 4 машинописных страницы) такова. 22 декабря 1920 г. в Витим из волостного села Нюя приехал некто Дитковский, представившийся сотрудником уполномоченного Якутской губчека А. С. Синеглазова. Дитковский арестовал 10 жителей Витима, не предъявив им никакого обвинения. Через 12 дней в Витим прибыл еще один сотрудник Синеглазова — А. Бутенев. Он приступил к допросам арестованных, добываясь от них признания в том, что они состояли членами подпольной организации, имевшей целью вооруженным путем свергнуть Советскую власть. Для получения этих ложных сведений арестованных лишали воды и пищи, раздетыми держали на морозе, избивали шашками и шомполами, пытали каленым железом, резали ножом и загоняли шило под ногти. Не выдержав пыток, один из арестованных — И. Ф. Березовский — умер, двое других — И. А. Бельский и П. П. Исаев — были убиты якобы при попытке к бегству, остальные отморозили ноги. Самого Антипина Бутенев и его подручные допрашивали и пытали 20 дней. Под пытками он подписал ложные показания, а затем потерял сознание.

О том, что было позже, Антипин писал так: «Я пришел в себя уже в одиночной камере на полу; я был избит и лишен был возможности движения. Солдаты (из отряда А. С. Синеглазова. — В. Ш.) говорили мне, что они меня вынесли из “комендантской”. Трое суток, испытывая при каждом движении страшное головокружение, я не мог двигаться; есть я не мог; пять суток затем я пил только воду. У меня шла кровь горлом; при испражнениях и мочеиспускании тоже шла кровь. Как я уцелел — не знаю».

Антипин сообщил, что такие же зверства творились в двух ближайших волостных центрах — селах Мухтуе и Нюе. Он ходатайствовал перед наркомом юстиции о возбуждении уголовного дела против должностных лиц,

допустивших по отношению к нему произвол, просил защитить его и его односельчан, а также оградить Советскую Россию от такого позора⁷⁸.

Ознакомившись с заявлением Антипина, руководство Сиббюро ЦК РКП(б) и Сибревкома 18 апреля 1921 г. направило в Иркутск членам Реввоенсовета 5-й армии К. И. Грюнштейну и Б. З. Шумяцкому телеграмму, в которой предложило им немедленно произвести расследование по фактам, приведенным в жалобе: допросить пострадавших, гарантировав их безопасность, выявить и арестовать виновных⁷⁹.

Такая реакция Сиббюро ЦК РКП(б) и Сибревкома плохо вписывается в контекст всего их предшествующего и в значительной мере последующего отношения к проявлениям красного бандитизма и тоже нуждается в объяснении.

Вполне вероятно, что содержащиеся в письме Антипина факты произвели впечатление даже на выдавшееся руководство Сибири. Основание для такой интерпретации есть. Им может послужить имеющаяся в телеграмме Сиббюро ЦК РКП(б) и Сибревкома фраза о «совершенно недопустимом образе действий», проделанных в Витиме.

Позицию руководства «Сибов» могло коррелировать также то обстоятельство, что Антипин направил свое заявление в два адреса, одним из которых являлся Наркомюст, руководивший органами советской законности.

Возможно и более простое объяснение. Посланная в Иркутск телеграмма была направлена от двух учреждений за подписью только одного человека — С. Е. Чуцкаева. Случилось так, что в это время он одновременно замещал находившихся в командировке секретаря Сиббюро ЦК РКП(б) В. Н. Яковлеву и председателя Сибревкома И. Н. Смирнова. С. Е. Чуцкаев прибыл для работы в Сибирь недавно, был здесь человеком «новым», слабо знакомым с местными традициями и порядком. Не исключено, что в данном случае это и сыграло свою роль.

Однако при любом объяснении гораздо важнее другое: выраженная в телеграмме позиция являлась не отражением принципиальной линии поведения Сиббюро ЦК РКП(б) и Сибревкома по отношению к красному бандитизму, а отклонением от нее.

Понимание того, что красный бандитизм — не серия разрозненных уголовных преступлений, а социально-политическое явление, представляющее опасность и для

общественного порядка, и для Советской власти, пришлось к руководству Сибири с большим опозданием. Видимо, еще труднее далось осознание того, что социальным источником и носителем красного бандитизма являлись не контрреволюционные или чуждые Советской власти элементы, а те слои населения, на которые опиралась диктатура пролетариата: разбуженная революцией и политически активная часть деревенской и городской бедноты, в том числе люмпенской.

Первые признаки именно такого видения «Сибями» проблемы относятся к июлю 1921 г. и прослеживаются по ряду документов. 2 июля секретарь Сиббюро ЦК В. Н. Яковлева отправила в губкомы партии телеграмму, в которой выражалось опасение, что продолжение сельской беднотой и комячейками внутриволостного перераспределения продовольственных излишков сорвет товарообмен и продналог, тогда как принудительное запрещение внутриволостного перераспределения может вызвать переход этих слоев в активную оппозицию к новой продовольственной политике, к Коммунистической партии и Советской власти. Секретарь Сиббюро ЦК предложила губкомам РКП(б) специально обсудить вопрос о линии поведения по отношению к этим категориям сельского населения, а также о практических мерах, способных предотвратить оба нежелательных варианта развития событий⁸⁰.

Никаких следов обсуждения указанных вопросов на местах мне обнаружить не удалось, ответов на телеграмму В. Н. Яковлевой — тоже. Тем не менее к середине лета 1921 г. позиция сибирского руководства обозначилась более четко. 14 июля в губернские центры края последовала записка по прямому проводу за подписями И. Н. Смирнова, В. Н. Яковлевой и председателя Сибирского продовольственного комитета М. И. Калмановича с категорическим требованием прекратить внутриволостное перераспределение во избежание срыва товарообмена⁸¹.

Категоричность эта была вынужденной. Европейская Россия нуждалась в сибирском хлебе, получить который можно было только товарообменом. Что же касается вопроса о приоритете ценностей, то он не нуждался в обсуждении: для большевистского руководства общегосударственные интересы всегда стояли выше региональных или социально-групповых, как в данном случае. Тем самым та часть красных бандитов, которая продолжала изъятие и перераспределение хлебных излишков, с этого

времени попадала в разряд противников Советской власти со всеми вытекающими последствиями.

Нельзя исключить влияние на позицию сибирского руководства еще одного обстоятельства, имевшего свою длительную и трагическую историю. Речь идет о так называемом «шарыповском деле».

6 июня 1921 г. в приемную Совета народных комиссаров поступило написанное на имя В. И. Ленина заявление начальника милиции 8-го района Ачинского уезда М. Н. Петренко. В начале февраля 1921 г. Петренко был назначен в волостное село Шарыпово заместителем начальника милиции 3-го района и стал невольным свидетелем части шарыповских событий. Ряд дополнительных фактов стал ему известен позднее со слов родственников пострадавших, очевидцев и отдельных участников.

В результате сложилась такая картина.

12 февраля 1921 г. в Шарыпово и окрестных деревнях по указке председателя волисполкома Советов В. Т. Гайденко, членов местной комячейки М. Ф. Баландина, А. Васинского, Ф. Т. Прокудина и некоторых других милиционеры и коммунисты из отряда особого назначения, которым командовал М. Х. Перевалов, произвели аресты нескольких десятков человек. В ночь на 15 февраля большинство из них было задушено, но родственникам сообщили, что они либо отправлены в Ачинский дом лишения свободы, либо сбежали в банду.

Ложь вскоре раскрылась. Через 25 дней верстах в пяти от Шарыпово было обнаружено около 40 трупов со следами веревки на шее, свидетельствовавшими об умерщвлении посредством удушения. Петренко привел список 23 арестованных и убитых в феврале граждан села Шарыпово, деревень Береш, Кадат, Темры, Усть-Парная Шарыповской волости, села Скрипачи Березовской волости и села Парнинского Кизыльской волости, который он случайно обнаружил в папке помощника начальника милиции 3-го района Г. Ф. Малахова. В числе организаторов этого и других самосудов Петренко назвал начальника Ачинской уездной милиции и политбюро П. Е. Пруцкого.

Петренко подробно сообщил о влиянии шарыповского самосуда на настроение и поведение окрестного населения. Он писал: «... Некоторые крестьяне из боязни, потому что не гарантированы от арестов на почве каких-либо счетов, бросили свое хозяйство и убежали: некоторые в центр в гор. Ачинск, а некоторые ушли в тай-

гу в банду, — также в комячейках получилось нежелательное разложение, некоторые члены таковой также ушли в банду, а некоторые выписываются из партии, в народе же произошло страшное негодование и ропот по отношению [к] власти. Кроме того, благодаря подобных расправ и бесчинств, безусловно создались банды, которые окромя вреда [ничего] хорошего не приносят».

Петренко информировал, что на него самого, взявшегося за расследование обстоятельств шарыповского дела, уже было совершено два покушения со стороны милиционеров и коммунистов, участвовавших в убийствах. В заключение для проверки своего заявления Петренко просил направить из центра в Ачинский уезд специальную следственную комиссию⁸².

Мне не удалось установить, читал ли заявление Петренко В. И. Ленин сам либо ему только доложили о содержании документа, но реакция председателя Совнаркома известна. По его личному указанию 24 июня 1921 г. из управления делами Совнаркома в Народные комиссариаты внутренних дел и юстиции, а также в ВЧК была направлена служебная записка такого содержания: «По распоряжению тов. Вл. Ил. Ленина необходимо в срочном порядке составить следственную комиссию для производства следствия на месте согласно прилагаемой копии заявления начальника милиции тов. Петренко, предварительно согласовав [вопрос] с НКВД тов. Крениг и ВЧК тов. Мещеряковым, и о последующем поставить в известность канцелярию приемной Совнаркома для доклада».

Десять дней спустя, 4 июля 1921 г., копии заявления Петренко и служебной записки управления делами Совнаркома были направлены в отдел юстиции Сибревкома. Они сопровождалась письмом-инструкцией, имевшим секретный характер, которое нарком юстиции РСФСР Д. И. Курский направил своему сибирскому коллеге. В письме говорилось, что Наркомюст, «учитывая всю серьезность данного тяжкого преступления», согласовав вопрос с руководством НКВД и ВЧК, «предлагает в самом срочном порядке командировать на место происшествия чрезвычайную сессию ревтрибунала в составе авторитетных партийных товарищей при достаточном количестве опытных следователей (желательно коммунистов)». «При производстве следствия, — рекомендовал Д. И. Курский, — следует избежать возможности разглашения содержания данного дела среди широких масс за пределами района, где преступление совершено. Сам

судебный процесс и приговор должны иметь непосредственной задачей внести успокоение в крестьянскую среду Ачинского р[айона], глубоко взволнованную происшедшими событиями». В заключение Д. И. Курский предложил отделу юстиции Сибревкома обо всех предпринятых шагах и о ходе следствия ставить в известность Наркомат юстиции «для непосредственного доклада тов. Ленину, по предложению которого возбуждено настоящее дело»⁸³.

20 июля 1921 г. заведующий Сиббюстом С. В. Александровский проинформировал Сиббюро ЦК РКП(б) о предписании наркома юстиции. Сиббюро ЦК решило до получения сведений от председателя Енисейской губчека Р. К. Лепсиса, которому еще раньше было поручено разобраться в безобразиях, чинимых сотрудниками милиции и сельскими коммунистами в Ачинском уезде, чрезвычайной сессии ревтрибунала не создавать. Секретарь Сиббюро ЦК В. Н. Яковлева получила поручение проинформировать ЦК РКП(б) о красном бандитизме в Сибири и принимаемых против него мерах⁸⁴. С этого времени проблема красного бандитизма стала постоянно находиться в поле зрения сибирского руководства.

Первым по времени отреагировало Полномочное представительство ВЧК по Сибири. 28 июля оно направило местным органам ВЧК циркулярное письмо «О новых формах контрреволюции в Сибири в связи с проведением новой политики». В письме красный бандитизм квалифицировался как стихийный протест тех мелкобуржуазных элементов (бедноты, рабочих-горняков, партизан), которые в период гражданской войны были опорой Советской власти, против новой экономической политики; приводились конкретные формы его проявления (продолжение внутреннего перераспределения продовольственных излишков, реквизиции, конфискации, создание внутри коммунистических партийных организаций нелегальных ячеек, самочинные расправы); назывались наиболее опасные по красному бандитизму районы и его масштабы. Полномочное представительство обязало органы ВЧК обратить на красный бандитизм самое серьезное внимание: фиксировать все его факты, анализировать состав участников, следить за эволюцией, под руководством комитетов РКП(б) разработать систему мер противодействия⁸⁵.

14 августа Полномочное представительство направило в губчека Сибири новое циркулярное письмо — «Еще о красном терроре и красном бандитизме». В нем

содержался новый фактический материал, делался вывод, что главными проводниками красного бандитизма на местах являются сотрудники милиции и политбюро. Полномочное представительство высказало предположение, что с началом продналоговой кампании и переселением в Сибирь крестьян из губерний, пораженных голодом, красный бандитизм может усилиться. Для его изживания предлагалось два способа: улучшить политическую работу в низах, главным образом в деревенских, и помогать бедноте в хозяйственном отношении⁸⁶.

Судя по косвенным данным, вопрос о красном бандитизме обсуждался на конференции председателей губчека Сибири, проходившей 15 августа в Новониколаевске. К сожалению, мне не удалось обнаружить материалов этого совещания. Но в протокольной записи секретного заседания президиума Енисейского губкома РКП(б) зафиксировано выступление председателя тамошней губчека Р. К. Лепсиса с информацией о совещании чекистов. Из выступления Лепсиса можно понять, что обсуждение вопроса о красном бандитизме на совещании велось в духе только что проанализированных циркулярных писем Полномочного представительства ВЧК по Сибири. Главные решения совещания лежали в том же русле. Однако были и новые моменты. Один из них: губернские чека получили задание следить за составом и работой органов РКП(б)⁸⁷.

Большое внимание красному бандитизму было уделено в докладе секретаря Сиббюро ЦК РКП(б) В. Н. Яковлевой «О положении в Сибири и формах организации советских учреждений и парторганизаций», с которым она выступила 30 июля 1921 г. на заседании Оргбюро ЦК РКП(б). Во всяком случае, в информации об этом докладе, опубликованной в «Известиях ЦК РКП(б)», говорится следующее: «Пришлось особенное внимание обратить на вопрос о так называемом "красном бандитизме", который имеет место в Сибири и который является отражением недовольства отчасти крестьянской бедноты, отчасти рабочих, направленного главным образом против спецов в рабочих районах и против кулаков в деревне и который прибегает к анархическим методам борьбы, вырождаясь в своеобразный бандитизм. Явление это потребовало усиления партийными силами Сибири и углубления партийной работы среди трудящихся в этой области»⁸⁸.

Сравнивая позиции Сиббюро ЦК РКП(б) и Полномочного представительства ВЧК по вопросу о красном

бандитизме, нужно признать, что чекисты опережали профессиональных партийцев не только по времени, реагируя оперативнее, но и по существу, в понимании явления, причин его возникновения и способов ликвидации. Сознвая значимость проблемы, Сиббюро ЦК РКП(б), однако, не воспользовалось такой уникальной возможностью, как проведение Всесибирской партийной конференции, для получения от ее делегатов информации, обсуждения таковой и выработки решений. Оно лишь провело 19 августа 1921 г. совещание с секретарями губкомов РКП(б) и партийных организаций крупных промышленных районов, в повестке дня которого в числе других стоял вопрос «О проявлениях красного бандитизма и мерах борьбы с ним».

Знакомство с протоколом совещания произвело на меня удручающее впечатление — прежде всего некомпетентностью его участников. Выступления секретаря Сиббюро ЦК РКП(б) В. Н. Яковлевой, председателя Сибревкома И. Н. Смирнова, его заместителя С. Е. Чуцкаева не отличались ни полнотой и достоверностью информации, ни видением путей решения проблемы. Подстать их речам были выступления представителей с мест. Например, все выступление секретаря Иркутского губкома РКП(б) М. М. Ноздрина в протоколе уложилось в одну строку. Однако еще больше поражает сказанное М. М. Ноздриным: «В Иркутской губернии красный бандитизм не наблюдается». Присутствовавший на совещании член президиума Иркутского губкома РКП(б) К. А. Мальцев был вынужден тотчас же дезавуировать утверждение М. М. Ноздрина, сказав, что «в Черемховском районе мы имеем ряд примеров красного бандитизма».

В результате обмена мнениями участники совещания пришли к выводу, что основной мерой борьбы с красным бандитизмом нужно признать срочную ликвидацию политической неграмотности среди коммунистов. В качестве дополнительных мер рекомендовалось в районах, охваченных красным бандитизмом, произвести персональный пересмотр членов сельских комячеек; осуществить чистку служащих милиции и политбюро; в районах, охваченных белобандитизмом, через части особого назначения оказать материальную помощь коммунистам; органам ВЧК более внимательно относиться к заявлениям, поступающим от рабочих; по отношению к ответственным партийным работникам, замешанным в красном бандитизме, было признано применять «самые суровые меры взыскания»⁸⁹.

В последующем принципиальная линия поведения партийного руководства Сибири по отношению к красному бандитизму несколько раз уточнялась.

Однажды это было сделано в секретном циркуляре Сибирской областной комиссии по проверке личного состава партии от 2 сентября 1921 г. В нем красный бандитизм трактовался исключительно как внутривнутрипартийная проблема. Для ее решения предлагалось использовать главным образом меры идейного характера, поскольку «одержимые красным бандитизмом в большинстве — жертвы провокации при ограниченности собственного кругозора». Их предлагалось направлять для учебы в партийные школы, откомандировывать для работы в незараженные красным бандитизмом районы или переводить в другие учреждения (например, милиционеров и чекистов — в партийные и советские органы). Комячейки, поголовно зараженные красным бандитизмом, после их обследования опытными партийцами и соответствующего заключения проверяющих подлежали роспуску. Последнее не означало, что их членам полностью закрывалась дорога в РКП(б). Нет, такая возможность сохранялась: желающие должны были вновь подать заявление о приеме в партию. Безоговорочно исключению подлежали только такие категории: ответственные работники и политически грамотные члены РКП(б), отчетливо сознававшие недопустимость красного бандитизма; вожаки, провокаторы и кулаки, подстрекавшие остальных на краснобандитские акции⁹⁰.

Впервые красный бандитизм стал предметом специального анализа лишь в конце сентября — начале октября 1921 г. Сделано это было упоминавшейся мною раньше комиссией, созданной Сиббюро ЦК РКП(б) в составе бывшего председателя Сибревкома И. Н. Смирнова, бывшего секретаря Сиббюро В. Н. Яковлевой и секретаря ЦК большевиков Е. М. Ярославского, являвшегося также членом Сиббюро ЦК РКП(б).

К тому времени вопрос о красном бандитизме на уровне губернского руководства в той или иной форме был обсужден почти во всех губернских центрах. Приведу перечень, скорее всего, неполный, посвященных этой теме заседаний, которые мне удалось отследить по архивам и периодической печати: заседание секретарей уездных и районных комитетов РКП(б) Енисейской губернии (21 августа); закрытое заседание президиума Енисейского губкома РКП(б) (23 августа); заседание президиума Алтайского губкома (23 августа); закрытое

пленарное заседание Иркутского губкома партии (30 августа); пленарное заседание Томского губкома (6—7 сентября); заседание комиссии по борьбе с красным бандитизмом при Алтайской губернской чрезвычайной тройке (7 сентября)⁹¹.

Первые четыре заседания имели исключительно информационный характер, а вот на двух последних вопрос был рассмотрен очень предметно и содержательно. Руководство Алтайской и Томской губерний, основываясь на имеющихся в их распоряжении местных фактах, попыталось самостоятельно разобраться в причинах возникновения и формах проявления красного бандитизма, определить его сущность, наметить меры по борьбе с ним.

Сравнительный анализ позиций, занятых барнаульцами и томичами, позволяет сделать вывод, что в трактовке главных вопросов они существенно разошлись.

Первые исходили из понимания красного бандитизма как главным образом стихийного анархизма. Они характеризовали красный бандитизм как «стремление революционной, но пропитанной мелкобуржуазными предубеждениями деревенской массы, бедняцкой и отчасти середняцкой, проявить политическую активность не в духе указаний и директив пролетарской партии коммунистов, а в анархическом неорганизованном движении, свойственном мелкой буржуазии». Исходя из этого, они предлагали довольно либеральные меры борьбы с ним: взятие на учет красnobандитского актива; чистку милиции, политбюро и низового советского аппарата; откомандирование за пределы Алтайской губернии всех «активистов» и влиятельных покровителей красных бандитов⁹².

Томичи же, признавая революционные побуждения в качестве одного из источников возникновения красного бандитизма, тем не менее считали его явлением глубоко контрреволюционным. Основанием для такой трактовки являлось то, что красный бандитизм провоцировал антисоветские восстания, дискредитировал в глазах населения революционную законность, подрывал авторитет РКП(б). Поэтому томичи считали возможным в борьбе с ним, в крайних случаях, применение решительных революционных мер⁹³.

Кроме того, к октябрю 1921 г. Сиббюро ЦК РКП(б) получило богатую фактическую информацию по ряду крупных красnobандитских дел: мариинскому, шарыповскому, об убийстве народного судьи Д. А. Осипова, переваловской аванюре. Все это позволило комиссии Сиббюро выйти на новый, более объективный уровень понимания природы красного бандитизма.

Прежде всего, комиссия Сиббюро признала, что термин «красный бандитизм» «употребляется часто в применении к фактам далеко не однородного характера». Тем не менее она полагала возможным определить сущность и основное содержание красного бандитизма как «самочинный образ действий отдельных групп населения, берущих на себя в том или ином отношении функции власти», а наиболее частой формой его выражения называла «самочинные расправы одной, революционно настроенной группы населения над другой, которую она считает контрреволюционной и общественно вредной».

Много внимания комиссия Сиббюро уделила анализу социально-политических черт красного бандитизма. «В красный бандитизм, — по мнению комиссии Сиббюро, — вовлекаются по преимуществу элементы, во времена Колчака активно боровшиеся в рядах партизан; социально это, следовательно, отчасти рабочие (не городские, а рабочие копей, рудников и прочий поселковый элемент) и преимущественно крестьяне из бедноты или выбитые из хозяйственной жизни колчаковским режимом и партизанщиной; иногда это элементы (большей частью партизанские вожди разного калибра), которых партизанщина пробудила и сделала политически активными, а политическое невежество мешает им проявлять эту активность иначе как в форме прямых действий».

Комиссия Сиббюро констатировала, что «территориально красный бандитизм разлит по всей Сибири; нет ни одной губернии, им не затронутой. Но в партизанских районах он приобретает наиболее яркую форму и массовый характер; такими районами являются Ачинский и Минусинский уезды Енисейской губернии, район Черемховских копей Иркутской губернии, Алтайская губерния и отдельные части Кузнецкого, Щегловского и Томского уездов Томской губернии». Она также отметила, что «районы развития красного бандитизма почти всегда совпадают с районами белого бандитизма, причем иногда, особенно в инородческих районах, белый бандитизм появляется в результате деятельности красных бандитов».

Комиссия Сиббюро ЦК РКП(б) предложила использовать для борьбы с красным бандитизмом более широкий набор мер. Она дополнительно рекомендовала организовать над красными бандитами несколько судебных процессов, создать специальный фонд для оказания материальной помощи бедноте, укрепить низовые органы Советской власти — сельсоветы и волостные исполкомы.

«Значение Сибири в продовольственном отношении,— считала комиссия Сиббюро,— требует быстрейшей ликвидации красного бандитизма, развитие которого может в значительной мере испортить работу по продналогу». Полагая, что наличными местными силами справиться с красным бандитизмом невозможно, комиссия Сиббюро 8 октября 1921 г. обратилась в ЦК РКП(б) с просьбой мобилизовать в Центральной России для направления в Сибирь 70 опытных работников уездного масштаба (из расчета два человека на уезд), откомандировать несколько литературных работников, не менее десяти лекторов для уездных партийных школ и выделить дополнительный фонд бумаги.

Пленум ЦК РКП(б), рассмотрев соображения и просьбы комиссии Сиббюро, принял мало к чему обязывающую резолюцию: «Обратить внимание Оргбюро на необходимость особо энергичных мер для усиления парторганизаций в Сибири, в частности, на улучшение состава работников»⁹⁴.

Если сопоставить это постановление с просьбами и аргументацией комиссии Сиббюро, то относительно перспектив ликвидации красного бандитизма напрашивался прогноз скорее пессимистического, нежели оптимистического характера. Но это всего лишь научная гипотеза, и не больше. Посмотрим, как же развивались события на самом деле.

* * *

Имеющиеся в моем распоряжении документы позволяют утверждать, что пик красного бандитизма пришелся на лето-осень 1921 г. В разных уголках Сибири бесчинствовали почти все, кто был наделен властью или имел силу: красноармейцы и чоновцы, сотрудники ВЧК и милиции, местные коммунисты и советские работники. Они мародерствовали, грабили, избивали, пытали, насиловали, убивали⁹⁵. Стон стоял почти по всей территории края. «Так называемый “красный бандитизм”,— сообщал 17 сентября 1921 г. в президиум ВЦИК И. И. Ходоровский,— в Сибири принимает все более широкие размеры; им захвачены целые районы и даже уезды»⁹⁶.

Подъем красного бандитизма сопровождался резким ростом числа случаев, когда отдельные коммунисты, комячейки и даже целые большевистские организации, проникнутые красnobандитскими настроениями, вступали в открытую конфронтацию с партийным руководством и органами ВЧК. На первых порах наиболее

ярко отмеченная тенденция обнаружилась в Якутской губернии.

Выполняя поручение Сиббюро ЦК РКП(б) и Сибревкома от 18 апреля 1921 г., член Реввоенсовета 5-й армии Б. З. Шумяцкий на следующий день отдал якутскому губернскому военному комиссару, большевику с 1914 г. Э. И. Винэрту, распоряжение создать комиссию по проверке заявления И. Г. Антипина и расследования деятельности А. Бутенева, А. С. Синеглазова и др. 23 апреля Винэрт организовал комиссию, в состав которой вошли представители Якутского губернского бюро РКП(б), губернских отделов юстиции и рабоче-крестьянской инспекции. Комиссия немедленно приступила к сбору следственного материала в Якутске, оповестив о целях своей работы население, а в июне командировала трех человек в Олекминск, якобы являвшийся исходным пунктом «Общеленского заговора», и в прилегающие к нему населенные пункты.

Случилось так, что почти сразу же комиссия Винэрта вышла за рамки первоначально поставленных перед нею задач. Например, 18 мая Б. З. Шумяцкий получил от Винэрта телеграмму с предложениями о необходимости изменения персонального состава партийного, советского и чекистского руководства губернии*. Винэрт также обратил внимание Шумяцкого на неудовлетворительный качественный состав местной партийной организации, выступил против возвращения из центра группы якутян, связанных родством, и особенно П. А. Слепцова (Ойунского), допустившего осенью 1920 г. в бытность свою заведующим губернским отделом управления ряд злоупотреблений⁹⁷.

Этот «выход» Э. И. Винэрта на проблемы партийной, советской и чекистской деятельности встретил протест и сопротивление со стороны местных властей: членам комиссии угрожали судом и физической расправой; население, оказывавшее комиссии содействие материалами, запугивали; некоторые учреждения отказывались выполнять требования комиссии; почтовая корреспонденция, шедшая в ее адрес, вскрывалась; губбюро РКП(б) отозвало из комиссии своего представителя;

* Это предложение Э. И. Винэрта, согласованное с ответственными работниками Якутии, было поддержано Реввоенсоветом 5-й армии. 21 мая член Реввоенсовета-5 К. И. Грюнштейн передал Сиббюро ЦК РКП(б) телеграмму Винэрта с таким дополнением: «Прошу разрешения губвоенкому Винэрту немедленно произвести указанные замены...» (см.: ПАНУ, ф. 1. оп. 2, д. 194, л. 24).

один из членов комиссии был арестован и осужден; предпринималась попытка арестовать самого Винэрта.

Якутское партийное и советское руководство бомбардировало Сиббюро ЦК РКП(б) телеграммами протеста против расширения рамок работы комиссии Винэрта. Оно соглашалось с тем, что в предшествующий период времени «якутскими работниками, ввиду совершенной оторванности от центра, отсутствия связи, недостатка людей, неопытности, было сделано много политических ошибок, имело место превышение власти», но категорически возражало против выяснения конкретных виновников этих ошибок и преступлений, утверждая, что такой подход приведет к дискредитации Коммунистической партии и Советской власти. Якутское руководство ходатайствовало перед Сиббюро ЦК РКП(б) и Сибревкомом о расформировании следственной комиссии Винэрта и об организации им самим новой комиссии под председательством П. Ф. Савлука, кандидатура которого выдвигалась также на должность губвоенкома⁹⁸.

5 августа 1921 г. Сиббюро ЦК РКП(б) рассмотрело заявление представителей Якутского губбюро большевиков о реорганизации следственной комиссии по делу А. Бутенева, А. С. Синеглазова и др. и замене Э. И. Винэрта П. Ф. Савлуком. Сибирский партийный центр предложил Винэрту в дальнейшем осуществлять работу комиссии таким образом, чтобы она не подрывала, а укрепляла Якутскую большевистскую организацию. Губбюро РКП(б) обязали вновь делегировать своего представителя в комиссию. Перед Винэртом ставилась задача срочно закончить следствие по делу и с последним парходом, взяв с собой всех арестованных и следственные материалы, выехать из Якутска⁹⁹.

Якутское губбюро РКП(б) отказалось выполнить указания Сиббюро ЦК. Более того, местная комиссия по чистке партии исключила Винэрта из рядов коммунистов, угрожая в случае несогласия перенести решение вопроса в Центральную контрольную комиссию РКП(б). Возникла, можно сказать, беспрецедентная ситуация: руководящий губернский партийный орган не подчинился решениям регионального отдела ЦК партии. Обсудив сложившуюся в Якутии обстановку, 21 сентября 1921 г. Сиббюро ЦК РКП(б) категорически потребовало от местного губбюро партии выполнить ранее данные им директивы¹⁰⁰.

Однако судьба Винэрта по-прежнему складывалась не просто. Лишь вначале декабря 1921 г. он с огромным

трудом добрался до Иркутска, привезя с собой большой документальный материал: 77 дел, изъятых в Якутской губчека, 19 томов Киренской следственной комиссии и 9 томов собственной следственной комиссии общим объемом свыше 3 тыс. страниц¹⁰¹.

Случай со следственной комиссией Э. И. Винерта не единственный. Особенно сильное противодействие со стороны местных коммунистов, сотрудников милиции и политбюро встретили руководящие партийные, советские и чекистские органы при расследовании «шарыповского дела», порученном постановлением Сиббюро ЦК РКП(б) председателю Енисейской губчека Р. К. Лепсису¹⁰².

В августе 1921 г. губернские власти неоднократно предлагали М. Х. Перевалову, который назывался в заявлении М. Н. Петренко главным организатором шарыповского самосуда, явиться в Красноярск. Перевалов, работавший к тому времени в Ачинске в должности заместителя заведующего уездным отделом управления, под разными предлогами игнорировал распоряжения губернского центра. Тогда 28 августа 1921 г. последовало указание заведующего губернским отделом управления об его аресте и принудительной доставке в Красноярск. Узнав об этом, Перевалов с группой своих сторонников тайно покинул Ачинск и направился в сторону Шарыпово, распространяя по дороге среди населения воззвание к партизанам, милиционерам и членам комячеек с призывом подняться на борьбу с «гадами», пробравшимися к власти под маской коммунистов. За два дня под его знамя явилось около 200 вооруженных человек.

Выступление Перевалова — в силу его популярности среди местного населения, возможности срыва кампании по сбору продовольственного налога, вероятности поддержки со стороны других бывших партизанских командиров, а также блокирования с бандой И. Н. Соловьева — представляло немалую угрозу для Советской власти. Не случайно переваловская авантюра оказалась не только в центре внимания уездных и губернских властей, но и в поле зрения общесибирских руководящих органов.

В течение нескольких дней юг Ачинского уезда напоминал оживший вулкан, грозивший в случае краснобандитского «выброса» обернуться кровавыми жертвами. 2 сентября губисполком направил Перевалову ультиматум с требованием прекратить сопротивление и явиться в Красноярск, гарантируя ему в этом случае неприкосновенность. В противном случае, говорилось в ультима-

туме, он будет взят с применением вооруженной силы и предан военно-революционному суду. Только тогда Первалов ответил согласием распустить своих сторонников и явиться в распоряжение властей¹⁰³.

В конце 1921 г. сопротивление властям, попытавшимся занять по отношению к красным бандитам более или менее жесткую позицию, возросло. Показательны три случая, происшедшие поочередно в Томской, Енисейской и Иркутской губерниях.

Первый конфликт начался с того, что члены Пачинской волостной комячейки Томского уезда С. А. Климович, А. Ф. Лукьянов и П. И. Подонин задумали расправиться с семьей жителями деревни Колмогоровой и с этой целью 12 июля 1921 г. составили ложную записку, которую подкинули убитому бандиту. Основываясь на содержащихся в записке сведениях, они затем арестовали девять человек, семь из которых тут же расстреляли как пособников бандитов.

Получив информацию о событиях в Пачинской волости, президиум Томского губкома РКП(б) 30 июля 1921 г. принял решение послать комиссию для расследования поведения тамошней комячейки. По итогам работы комиссии убийцы были арестованы и преданы суду ревтрибунала. Однако пачинские коммунисты и советские работники были не согласны с таким ходом дела. В начале октября 1921 г. они созвали волостную партийную конференцию с участием представителей сельсоветов и волисполкома, на которой потребовали освободить Климовича до суда на поруки, обосновывая свою позицию тем, что он вел подпольную работу при Колчаке и является надежным товарищем. В случае неудовлетворения их требования пачинцы грозили снять с себя всю ответственность перед Советской властью, РКП(б) и даже распустить комячейку¹⁰⁴.

По сходному сценарию развивались события в Нижне-Ингашевской волости Канского уезда. Здесь еще в середине ноября 1920 г. отрядом красноармейцев, занимавшихся сбором оружия, и местной комячейкой было арестовано девять жителей волостного центра, пятеро из которых были заключены в каталажную камеру при волисполкоме Советов. Но утром 18 ноября последние были обнаружены задушенными в проруби реки Поймы. Следствие по этому делу зашло в тупик из-за отсутствия улик и 24 февраля 1921 г. было прекращено в соответствии с решением Канского уездного исполкома Советов. Однако вскоре по заявлению родственников одно-

го из погибших оно было возобновлено, С санкции Енисейского губкома РКП(б) и по постановлению губчека в июле 1921 г. по подозрению в убийстве были арестованы и заключены в Красноярский дом лишения свободы председатель Нижне-Ингашевского волисполкома Советов Н. Василенко и член того же волисполкома З. Тесля. По объективным обстоятельствам — свидетелей и следов преступления не сохранилось — следствие велось медленно¹⁰⁵.

И тут в ход следствия вмешались местные коммунисты. В середине октября 1921 г. они созвали съезд членов и кандидатов в члены РКП(б) Нижне-Ингашевской волости. Делегаты съезда (97 человек), обсудив вопрос об аресте Василенко и Тесля, пришли к выводу, что те задержаны «предательской рукой», и постановили «во что бы то ни стало освободить таковых, хотя бы для этого потребовалось даже жертвовать нашей жизнью». Угрожая коллективным выходом из партии, они ультимативно потребовали от губкома РКП(б) в недельный срок освободить Василенко и Теслю. Постановление съезда завершалось похвалой в собственный адрес («Да здравствует первый геройский шаг к освобождению невинно угнетенных») и экстремистским призывом «Смерть беспощадная всем гадам, всем паразитам трудящихся масс»¹⁰⁶.

Неделей позже собрание членов и кандидатов в члены РКП(б), на котором присутствовало 36 человек, примерно с такой же, как в Нижне-Ингаше, повесткой дня состоялось в соседней Иланской волости. Здесь арест Василенко и Тесля и отказ освободить их на поруки был объявлен «делом рук угнетателей»; губернскому и уездному комитетам РКП(б) было предъявлено требование о немедленном освобождении арестованных с просьбой в случае невыполнения последнего «выключить нас из рядов партии...». Иланцы высказали в адрес Енисейской губчека ряд упреков и даже угроз, которые завершались заявлением о том, что они на местах зорко следят за всем происходящим и «в крайнем случае, если потребуется, не посчитаются с жизнью своей...» Венчал постановление еще один неординарный призыв: «Да здравствует союз братства коммунистов в низах»¹⁰⁷.

Требования коммунистов Иланской и Нижне-Ингашевской волостей об освобождении Василенко и Тесля поддержали 26 членов комячейки станции Иланской¹⁰⁸.

Основанием для третьего конфликта, возникшего в Нижне-Удинском уезде, послужили два взаимосвязан-

ных факта: арест Иркутской губчека командира одного из местных коммунистических отрядов особого назначения Павлова за нарушения революционной законности и освобождение Зиминским политбюро ряда граждан волостного села Барлук, арестованных Павловым по подозрению в белобандитизме. На экстренном заседании Барлукского волостного бюро РКП(б), состоявшемся 6 декабря 1921 г. с участием представителей сельских комячеек, оба вопроса подверглись пристрастному обсуждению. Участники заседания пришли к выводу, что «в органах чека есть в изобилии контрреволюционеры, умышленно арестовывающие наших командиров, чтобы затянуть ликвидацию бандитизма на продолжительное время», и заявили решительный протест против освобождения сельчан, арестованных Павловым. Они потребовали от Нижне-Удинского уездного комитета РКП(б), чтобы в дальнейшем арестованные барлукскими коммунистами не возвращались обратно, угрожая, что «в противном случае будет произведен беспощадный красный террор всем бандитам и полная ликвидация всех ячеек»¹⁰⁹.

С решением коммунистов Барлукской волости солидаризировались Куйтунское и Тулунское волостные бюро РКП(б), представители ряда комячеек¹¹⁰.

Насколько мне удалось установить, партийное руководство в большинстве случаев не оставило без внимания поведение коммунистов и комячеек, выступивших на стороне или в защиту красных бандитов. Так, ряд мер, направленных на оздоровление обстановки в Ачинском уезде, принял Енисейский губком РКП(б). По его решению восемь сотрудников местного политбюро, замешанных в переваловской авантюре, были уволены из органов ВЧК, а вопрос о возможности их дальнейшего членства в РКП(б) предложено решить в индивидуальном порядке комиссии по чистке партии¹¹¹. В инструкцию по чистке партии, разработанную Енисейским губкомом РКП(б), был включен специальный пункт, являвшийся ответной реакцией на «переваловщину». В нем говорилось: «В связи с происшедшим явлением в Ачинском уезде, где ячейки выступили против проведения партийной линии и приняли участие в организации предполагавшегося восстания под командой Перевалова и тем самым вышли из подчинения партийного комитета, необходимо удалить из партии все колеблющиеся, неустойчивые элементы, активно принявшие участие в поддержке Перевалова или оказывающие ему тем или иным способом содействие»¹¹².

Однако нормализация обстановки шла болезненно. Показателен тот факт, что на арест Перевалова и его соучастников по «шарыповскому делу», произведенный Енисейской губчека в конце сентября 1921 г., бывшие партизаны Ачинского уезда ответили выражением резкого недовольства. В Енисейскую губчека поступила информация, что на 7 ноября 1921 г. они планируют акцию по освобождению всех бывших партизан, заключенных в губернскую тюрьму¹¹³. Комиссия по чистке партии натолкнулась на невозможность из-за круговой поруки установить личное участие каждого члена Шарыповской волостной комячейки в февральских 1921 г. событиях.

По ходатайству председателя комиссии 4 ноября президиум Ачинского уездного комитета РКП(б) принял решение распустить комячейку Шарыповской волости¹¹⁴. Тогда же в Ачинской уездной милиции образовалась группа лиц, ставившая своей целью физически уничтожить тех ответственных руководителей, которые принимали меры по наведению служебного порядка и должностной дисциплины¹¹⁵.

Быстро отреагировал на решение Пачинской комячейки президиум Томского губкома РКП(б). Уже 9-го октября 1921 г. он обсудил протокол волостной партконференции и постановил письменно разъяснить пачинским коммунистам недопустимость ультимативного тона в таком вопросе, а также объявил им за это выговор. Одновременно губком РКП(б) предложил губчека ускорить следствие по делу С. А. Климовича, А. Ф. Лукьянова и П. И. Подонина¹¹⁶.

Положение, создавшееся в связи с ультиматумами иланских и ниже-ингашевских коммунистов по делу Н. Василенко и З. Тесли, рассматривалось Канским уездным и Енисейским губернским комитетами партии, Сиббюро ЦК РКП(б). Свой совет относительно линии поведения в этом вопросе дал Енисейскому губкому в начале ноября 1921 г. Е. М. Ярославский: «Надо проявить в этом деле твердость. Послать крупного парработника для объезда всех сельских ячеек волости и волостной ячейки, собрать везде ячейки, персонально собрать данные обо всех членах ячейки, поставить перед ними вопрос: считают ли они волю партии выше или вопрос о Василенко для всех них выше дисциплины партии и т. д. Надо отделить небольшое, здоровое ядро, об остальных поставить вопрос об очистке»¹¹⁷. Аналогично, только осторожнее, Е. М. Ярославский рекомендовал по-

ступить с комячейкой станции Иланской, состоявшей преимущественно из рабочих.

К удовольствию обеих конфликтующих сторон до рекомендованной Е. М. Ярославским постановки вопроса ребром — или дисциплина партии, или групповая солидарность — дело не дошло. Губернскому и уездному комитетам РКП(б) к середине ноября 1921 г. удалось снять напряжение проведением разъяснительной работы о вреде красного бандитизма¹¹⁸.

В то же время руководство Сибири начало все отчетливее сознавать, что для эффективной борьбы против красного бандитизма только политического просвещения рядовых коммунистов и сотрудников местных советских органов недостаточно. Постепенно стало приходить понимание того, что необходимы жесткие меры, способные заставить бандитствующие элементы уважать власть и закон. Дело было за благоприятным моментом и подходящим случаем. И такой случай не замедлил представиться.

Еще 16 июля 1921 г. в Турецком озере, расположенном вблизи волостного села Спасское Каинского (Барабинского) уезда, был обнаружен труп участкового народного судьи Д. А. Осипова. Врач-эксперт без труда определил причину смерти: пулевое ранение, при котором были повреждены жизненно важные органы. Об убийстве Осипова оперативно сообщили в отдел юстиции Сибревкома. Руководство Сибюста хорошо знало фамилию этого человека. За свою непримиримость к нарушителям закона, среди которых было несколько бывших партизан, коммунистов и служащих милиции, он дважды, в январе и в апреле 1921 г., подвергался незаконному аресту местными властями. Оба случая получили широкую огласку, стали известны руководству Сибюста и Наркомюста, потребовавших немедленного расследования этих инцидентов¹¹⁹. И вот такой неожиданный, трагический финал.

Заведующий Сибюстом С. В. Александровский 27 июля 1921 г. доложил на заседании Сиббюро ЦК РКП(б) об убийстве народного судьи, подробно рассказав предысторию этого дела. Сиббюро ЦК РКП(б) обязало руководство Сибревкома и Полномочного представительства ВЧК немедленно арестовать бывшего начальника милиции 4-го района М. В. Якушева, ранее незаконно преследовавшего Осипова. Полномочное представительство ВЧК, Сибюст и Новониколаевский губисполком Советов получили задание организовать и направ-

вить на место комиссию для расследования обстоятельств убийства¹²⁰.

Следственная комиссия, наделенная Сибревкомом чрезвычайными полномочиями, быстро выявила основной круг подозреваемых людей. В их числе оказались командир 674-го стрелкового полка В. М. Макаров (из крестьян деревни Ключевая Усть-Тартасской волости, окончил три курса Московского коммерческого института, в 1919 г. командовал партизанским отрядом, большевик с 1920 г.), находившийся на родине в отпуске по болезни; инструктор Каинского уездного комитета РКП(б) И. Е. Макаров (из крестьян той же деревни, бывший партизан, большевик с 1920 г.); инструктор Каинского уездного комитета РКП(б) В. В. Лаптев (из крестьян села Спасского Усть-Тартасской волости, был командиром партизанского отряда, служил в Красной Армии, большевик с 1920 г.); инструктор маслоделия Ф. П. Панин (из крестьян деревни Ночка Кыштовской волости Татарского уезда, бывший партизан, кандидат в члены РКП(б)); заведующий районным отделом социального обеспечения А. П. Чикилев (из крестьян деревни Новороссийская Каменской волости Каменского уезда); Н. В. Сибирцев (житель деревни Ключевая, бывший партизан, кандидат в члены РКП(б)); начальник милиции город Каинска М. В. Якушев (из крестьян села Красноярского Белоярской волости Челябинской губернии, бывший помощник начальника Каинского уездного политбюро, начальник милиции 4-го района, большевик с 1920 г.). Все они, за исключением И. Е. Макарова, пустившегося в бега, были арестованы.

Показания свидетелей, а также Лаптева и Панина, довольно скоро признавших себя виновными в убийстве Осипова, позволили установить следующее. Вечером 14 июля 1921 г. было собрание членов Спасской комячейки, на которое явились В. М. Макаров, Панин и какой-то неизвестный. После собрания В. М. Макаров интересовался, вернулся ли Осипов в Спасское и у кого квартирует.

Возвращаясь с партийного собрания, В. М. Макаров, И. Е. Макаров, В. В. Лаптев, Ф. П. Панин и Н. В. Сибирцев решили убить судью. На его поиски отправились И. Е. Макаров, Лаптев, Панин и приехавший с В. М. Макаровым неизвестный красноармеец. Дом, в котором снимал себе квартиру судья, нашли только с третьего захода. Арестовав Осипова, они посадили его в ходок и повезли из села. По дороге судья громко кричал, взывая

о помощи, но многие жители Спасского, которые все видели и слышали, «будучи страшно терроризированы еще ранее имевшими место в данном районе подобными убийствами, не решились остановить преступников»¹²¹. Когда подъехали к окраине села, сидевший впереди на козлах И. Е. Макаров обернулся, достал наган и выстрелом в голову убил Осипова. Затем они направились к Турецкому озеру, куда и сбросили тело судьи.

Обвиняемый В. М. Макаров не признал себя виновным ни в убийстве Д. А. Осипова, ни в соучастии в убийстве. Все обвиняемые категорически отказались назвать фамилию красноармейца, участвовавшего в убийстве судьи и после этого бесследно исчезнувшего. Однако на основании показаний свидетелей и косвенных данных следственная комиссия пришла к выводу, что на самом деле красноармейцем был не кто иной, как В. М. Макаров, являвшийся зачинщиком убийства Осипова.

Лаптев и Панин пытались убедить чрезвычайную следственную комиссию в том, что они сознательно убили Осипова, поскольку тот был контрреволюционером. Чрезвычайная следственная комиссия пришла к иному выводу: убийство совершено из личной мести. В составленном 15 августа 1921 г. заключении по расследованию обстоятельств убийства народного судьи Д. А. Осипова она сочла обвинение вполне доказанным, а дело, как яркий образец красного бандитизма, подлежащим передаче в военное отделение Новониколаевского губернского объединенного ревтрибунала. Правда, при этом комиссия испросила у Сиббюро ЦК РКП(б) санкцию на такую акцию, поскольку все обвиняемые являлись коммунистами¹²².

Сиббюро ЦК РКП(б) 26 августа дало соответствующее разрешение и поручило Новониколаевскому губкому большевиков организовать выездную сессию военного отделения губревтрибунала «из вполне способных и подходящих товарищей». Постановлением Сиббюро Ключевская комячейка и Усть-Тартасский волпартком были распущены, все участники убийства исключены из партии. Губревтрибунал получил директиву вынести В. М. Макарову и другим участникам убийства, преследовавшим личные или уголовные цели, высшую меру наказания, а по отношению к остальным подсудимым применить меры не столько репрессивного, сколько воспитательного характера¹²³.

В течение шести дней, с 7 по 12 сентября 1921 г., в городе Барабинске шел открытый судебный процесс, на

котором завершалось разбирательство по делу об убийстве Осипова. К сожалению, мне не удалось обнаружить протокола судебного заседания. Минимальные сведения о нем имеются в местной печати. Между тем происходивший в Барабинске процесс содержал богатый материал для понимания идеологии и психологии красного бандитизма. Весьма показательны два заявления, прозвучавшие на процессе из уст В. М. Макарова: «Мы воевали с Колчаком, мы, стало бы, имеем право делать, что хотим»; «Препятствующим нам — пулю в лоб». Ревтрибунал к тому же установил, что В. М. Макаров, имея колоссальный авторитет в Усть-Тартасском районе, вместо того, чтобы использовать свое влияние на массы в интересах социалистического строительства, «занимался агитацией против работников, поставленных Советской властью, чем дискредитировал советские органы на местах»; что своими действиями он «нарушал мирный ход работы органов [власти] на местах и спокойствие тружеников земли»; что «в ослеплении личной враждой забыл долг перед Советской республикой и занялся личной мстью, для чего использовал бывших партизан»; что «его сообщники Лаптев, Панин и Макаров Иван настолько подпали под его, Макарова Владимира, влияние, что нет надежды на их исправление».

Ревтрибунал признал обвинение В. М. Макарова, И. Е. Макарова, Лаптева и Панина в убийстве Осипова по предварительному сговору доказанным и приговорил их к высшей мере наказания. Сибирцев и Чикилев за укрывательство убийц Осипова были приговорены к пятилетним принудительным работам с содержанием под стражей, а Якушев получил строгий выговор¹²⁴.

Тотчас же после зачтения приговора осужденные к высшей мере наказания подали на имя ВЦИК Советов ходатайство о помиловании. Прежде всего они сожалели, что совершенное ими убийство Осипова поставило их «вне рядов славной **РОССИЙСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ**, что оно бросило грязное пятно на честное имя **КОММУНИСТА**», перечеркнуло их боевые заслуги, заработанные в борьбе с контрреволюцией. Затем давалась оценка причин, толкнувших их на убийство: «Наше преступление и наше роковое заблуждение, нанесшее раны **СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**, есть результат и проклятое наследие свергнутого Советской властью капиталистического строя». А завершалось ходатайство клятвой верности: «Если в своем глубоком милосердии Советская власть вернет

нам потерянный нами дар — жизнь, мы торжественно обещаем ЦЕНТРАЛЬНОМУ ИСПОЛНИТЕЛЬНОМУ КОМИТЕТУ СОВЕТОВ использовать ее исключительно в интересах СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ, в интересах СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПРАВОПОРЯДКА!»¹²⁵. Это был блестящий образчик коммунистической демагогии, где матерые волки изображали из себя таких кротких ягнят.

Состоявшееся в тот же день распорядительное заседание выездной сессии губревтрибунала, рассмотрев ходатайство осужденных и принимая во внимание состав преступления, а также его исключительную социальную опасность, обратилось в Новониколаевский губисполком Советов с просьбой о непропуске ходатайства о помиловании и о разрешении немедленно привести приговор в отношении осужденных в исполнение¹²⁶.

Председатель губревтрибунала С. Г. Чудновский 14 сентября 1921 г. доложил Сиббюро ЦК РКП(б) о результатах состоявшегося в Барабинске судебного процесса. Он сообщил, что со стороны местного населения возражений против приговора, вынесенного В. М. Макарову, не было, тогда как в отношении трех остальных осужденных, приговоренных к расстрелу, рабочие намеревались ходатайствовать о смягчении меры наказания.

Однако у В. М. Макарова неожиданно обнаружили покровители, гораздо более могущественные, чем у его подельников. Президиум ВЦИК 13 сентября получил из Екатеринбурга от заместителя командующего войсками Уральского военного округа, где служил В. М. Макаров, телеграмму с просьбой приостановить приведение в исполнение приговора для предоставления данных на предмет помилования, а также с указанием, что В. М. Макаров лично известен командующему округом С. В. Мрачковскому «как честный и стойкий партизан красных войск». Просьба прославленного героя гражданской войны была учтена, и 14 сентября секретарь президиума ВЦИК А. С. Енукидзе направил Новониколаевскому губревтрибуналу телеграмму с предложением приостановить исполнение приговора, а копию обвинительного заключения и приговора выслать во ВЦИК¹²⁷.

В создавшейся обстановке Сиббюро ЦК РКП(б) дало губревтрибуналу директиву пропустить ходатайство всех осужденных о помиловании, не возражая против пересмотра приговора И. Е. Макарову, Лаптеву и Панину, но настаивая на расстреле В. М. Макарова. Сиббюро ЦК РКП(б) аргументировало перед президиумом ВЦИК

свою позицию характером и масштабами красного бандитизма, способами борьбы с ним, выработанными партийным руководством края, разным уровнем политического развития осужденных. Сиббюро указало, что по отношению к рядовым коммунистам и беспартийным, проникнутым духом красного бандитизма из-за политической безграмотности, оно рекомендует применять агитационно-пропагандистские меры, а по отношению к политически развитым лицам, использующим красобандитские настроения масс в целях чуждых или враждебных РКП(б), считает необходимым использовать самые решительные меры, вплоть до высшей меры наказания.

В «законотворчестве», которым занималось Сиббюро ЦК РКП(б), прежде всего, конечно, поражает предложение установить меру ответственности за уголовные деяния в зависимости от уровня политической грамотности (или неграмотности) преступников. Но в не меньшей степени удивляет дальнейшая непоследовательность самого Сиббюро ЦК РКП(б), отнесшего инструкторов уездного комитета партии к категории политически неразвитых и не посчитавшегося с мнением губревтрибунала насчет невозможности исправления всех четверых, приговоренных к высшей мере наказания.

Особую позицию в отношении В. М. Макарова занял Е. М. Ярославский. Он считал необходимым в борьбе с красным бандитизмом на первых порах применять высшую меру наказания только в тех случаях, когда преступления носили характер провокации против Коммунистической партии и Советской власти или имели более ярко выраженные лично-корыстные мотивы. Поэтому Е. М. Ярославский предложил заменить В. М. Макарову высшую меру наказания долгосрочным заключением в концентрационный лагерь¹²⁸.

И еще одна существенная деталь. В «Советской Сибири», являвшейся тогда краевой газетой, 4 октября были одновременно опубликованы две статьи на одну и ту же тему. Одна — «Красный бандитизм» — принадлежала ответственному сотруднику Сиббюро ЦК РКП(б) Д. Г. Тумаркину и как бы претендовала на теоретическое осмысление указанной в заголовке проблемы. Другая статья — «Дело о красном бандитизме» — представляла собой компиляцию из обвинительного заключения и приговора по делу об убийстве Осипова. Содержавшийся в ней фактический материал должен был подтверждать правильность оценок и рекомендаций Тумаркина.

✓ В первой публикации утверждалось, что социальная природа красного бандитизма состоит «в анархическом уклоне собственника-крестьянина, а также рабочего, не порвавшего с землей», а политическая его сущность определялась как «органическая ненависть к централизованному советскому государственному аппарату и его представителям, проводящим волю центра на местах, нежелание подчиниться воле и законам центра». Автор статьи квалифицировал красных бандитов как противников диктатуры пролетариата, а их поступки называл «самыми обыкновенными контрреволюционными деяниями». Партийным организациям он рекомендовал вести «самую широкую работу в низах, разъясняя контрреволюционную сущность этих действий, направляя наши низовые ячейки на путь борьбы с ними». Перед карательными органами ставилась задача «быстро и решительно расправляться с теми, кто срывает нашу советскую работу в деревне и не дает выявить истинные намерения Советской власти по отношению к крестьянству». Что же касается идеологов красного бандитизма, подобных В. М. Макарову, то они «должны быть искоренены и разбиты, должны быть расстреляны наравне с теми, кто с оружием в руках восстает против Советской власти».

Появление указанных публикаций представляется знаменательным в нескольких отношениях. С этого времени вопрос о красном бандитизме, ранее обсуждавшийся преимущественно на закрытых и секретных заседаниях руководящих партийных органов, был легализован в общесибирских масштабах. В статье Тумаркина впервые открыто высказывалась позиция партийного руководства края на происхождение, сущность красного бандитизма и меры борьбы с ним. Хотя трехнедельный интервал между окончанием барабинского процесса и выходом статей в свет наводит на размышления о том, что тема стала достоянием гласности не без сомнений и, может быть, не без борьбы в высшем эшелоне власти. Публикацию статей можно рассматривать также как одно из свидетельств того, что курс руководства Сиббюро ЦК РКП(б) и Сибревкома, обновившегося с отъездом из Сибири И. Н. Смирнова и В. Н. Яковлевой, стал по отношению к красному бандитизму несколько жестче, чем раньше. Или его стали таковым официально изображать. Несколько судебных процессов над красными бандитами, прошедших в течение короткого времени, подтверждают оба эти соображения. Задача состоит в том, чтобы выяснить, какое из них вернее.

Мне удалось обнаружить материалы о шести крупных красnobандитских делах, рассмотренных ревтрибуналами Сибири в декабре 1921 г. — июле 1922 г. Одни дела слушались в открытых заседаниях, другие — в закрытых. Объем сохранившейся о них информации различен, но в совокупности выявленные источники позволяют объективно показать роль и место советского правосудия в борьбе с красным бандитизмом.

Очень скупые сведения удалось найти о суде над С. А. Климовичем, А. Ф. Лукьяновым и П. И. Подониным. Известно, что их дело рассматривалось 2 декабря 1921 г. выездной сессией Томского губревтрибунала в открытом судебном заседании. Ревтрибунал инкриминировал им не только убийство семи человек, квалифицировав его как анархо-бандитизм, но и нарушение революционной законности и правопорядка, дискредитацию Коммунистической партии и Советской власти в глазах населения, способствовавшие росту контрреволюционной агитации и бандитизма. Кроме того, ревтрибунал по существу приравнял пребывание подсудимых в РКП(б) — уникальный случай в истории советского правосудия — к обстоятельствам из категории отягчающих. Он посчитал, что к бывшим членам РКП(б) необходимо применить более суровые меры наказания, так как они должны были служить для беспартийных граждан образцом поведения. В результате всех подсудимых приговорили к расстрелу¹²⁹.

В том же месяце выездная сессия Томского губревтрибунала рассмотрела дело Пахомова, Пшеничникова и Тетерина — крестьян села Усть-Сосновка Тармсинской волости Щегловского уезда, членов местной комячейки. Они обвинялись в том, что в ночь на 15 августа 1921 г. ограбили и зверски убили семью своих односельчан Калмаковых, а затем, скрывая следы содеянного, сожгли их дом. Сессия ревтрибунала приговорила всех подсудимых к высшей мере наказания.

Найти в местной печати какие-либо сведения о суде над Климовичем, Лукьяновым и Подониным мне не удалось. Не исключено, что они не публиковались. Правда, приговор ревтрибунала по делу появился в виде типографского оттиска (листочка), по всей видимости предназначенного для распространения среди местного населения. Но проводилась ли такая работа, неизвестно. Что же касается слушания дела Пахомова, Пшенични-

кова и Тетерина, то небольшая информация о составе преступления и приговоре ревтрибунала несколько дней спустя была опубликована в томской губернской газете «Красное знамя» (1922 г., 4 января). Скорее всего, влияние обоих судебных решений на общественную жизнь Сибири было незначительным, носило узколокальный характер.

Напротив, следующий по времени суд, главными действующими лицами на котором стали М. Х. Перевалов, П. Е. Пруцкий и другие «герои» шарыповских событий, изначально планировался и проводился как показательный процесс, рассчитанный на широкое социальное звучание и глубокий политический эффект. Не случайно вся его подготовка осуществлялась под непосредственным руководством Енисейского губкома РКП(б). Именно он определил время и место проведения суда, состав сессии губревтрибунала, рекомендовал государственного обвинителя и защитников. Он же за неделю до того, как следователь Енисейского губревтрибунала Ф. Д. Кот, который вел дело, составил обвинительное заключение, на проходившем 28 ноября 1921 г. заседании принял принципиальное решение насчет будущего приговора: высшей меры наказания к подсудимым не применять¹³⁰. Отчеты из зала заседаний суда с подробной информацией о ходе расследования регулярно публиковались на страницах губернской газеты «Красноярский рабочий».

Слушание «шарыповского дела» особой сессией Енисейского губревтрибунала началось 10 декабря 1921 г. в Красноярском доме просвещения. К суду были привлечены 56 человек, но на скамье подсудимых оказались 53, так как двое числились в бегах, а один к тому времени был убит. В числе подсудимых находились начальник Ачинской уездной милиции и политбюро, 2 начальника районной милиции, 3 помощника начальника районной милиции, 14 милиционеров, 3 командира коммунистических отрядов, 6 членов волисполкома, 24 коммуниста, не занятых на советской службе¹³¹.

В ходе предварительного следствия вскрылись и в судебном расследовании подтвердились следующие дополнительные обстоятельства дела. Прибывший в начале февраля 1921 г. в Шарыпово для борьбы с белобандитами Пруцкий, чтобы обезопасить свой тыл, посчитал необходимым произвести «чистку» населения. Основываясь на доносах членов местного волисполкома, комячек и милиционеров, зачастую сделанных из чувства

личной мести, он 12 февраля 1921 г. арестовал 60 человек, якобы враждебно настроенных к Советской власти и имевших намерение уйти в банду. Не проведя никаких следственных действий, Пруцкий решил расправиться с большинством арестованных. Сделано это было в ночь на 15 февраля в здании волисполкома следующим образом. Арестованных поодиночке заводили в одну из комнат волисполкома, где находился Перевалов. Тот предлагал арестованному сесть на табуретку, задавал ему несколько малозначащих вопросов, а затем давал команду рукой — и находившийся за спиной сидевшего милиционер С. Юшков набрасывал на жертву удавку, тащил в соседнюю комнату, где несколько милиционеров добивали ее колотушками. Так были умерщвлены 34 человека.

Затем милиционеры сняли с убитых одежду и распределили ее между собой. После этого по приказу Перевалова трупы вывезли за село в болото, где по ним произвели стрельбу, чтобы жертвы выглядели не задушенными, а расстрелянными.

Для придания самосуду хотя бы видимости законности и обеспечения себе алиби Пруцкий, Перевалов и начальник районной милиции С. М. Назаров по сговору составили постановление, объяснявшее необходимость убийства арестованных острой боевой обстановкой, и вынудили подписаться под ним председателя комячейки М. Ф. Баландина, председателя волисполкома В. Т. Гойденко, командира коммунистического отряда особого назначения Д. П. Мешкова и политрука К. Дудина.

Для вящей убедительности Пруцкий решил инсценировать нападение на Шарыпово банды. С частью переваловского отряда он объехал село и произвел его обстрел с разных сторон, под занавес прострелил себе рукав одежды (хотя по договоренности с Переваловым должен был прострелить мякоть) и перевязал руку, как будто бы был действительно ранен. Все это было проделано в пьяном угаре. Вскрывшиеся в ходе расследования обстоятельства дела дали основание государственному обвинителю В. М. Алексееву заявить, что перед шарыповским самосудом «бледнеют даже ужасы царской охранки»¹³².

На предварительном следствии Перевалов и Пруцкий не отрицали своего участия в убийстве арестованных, но пытались представить себя лишь в роли исполнителей приказа вышестоящих начальников. Большин-

ство же обвиняемых в той или иной мере признали себя виновными¹³³.

На суде они как бы поменялись ролями. Вот как описывал репортер газеты «Красноярский рабочий» поведение на суде Пруцкого: «Чувствуется большая самоуверенность и непогрешимость. Виновным в шарыповском самосуде признает себя, заявляя вполне откровенно, что именно он и является его инициатором и вдохновителем»¹³⁴. Перевалов в основном признал себя виновным, но отрицал участие в пьянстве и присвоении имущества заддушенных. Зато почти все остальные подсудимые, не отрицая своего участия в шарыповских событиях, признать себя виновными отказались. Судя по всему, они были глубоко убеждены в том, что имеют право уничтожить любого человека, которого считают контрреволюционером. Государственный обвинитель В. М. Алексеев правильно заметил: «Остальные подсудимые до сих пор уверены, что “гадов” надо душить, что убийство “гада” естественно...»¹³⁵.

Впрочем, последнего не отрицали и защитники. Правда, в отличие от государственного обвинителя, они пытались обернуть этот факт на пользу подсудимым. Так, защитник Пилов настойчиво отстаивал тезис о том, что преступление совершено «из-за ошибочно понятого чувства долга и желания оградить Соввласть». В речах обоих защитников прозвучало бездоказательное утверждение, что люди, погибшие от рук коммунистов и советских служащих, — реальные или потенциальные контрреволюционеры. Тем самым общественная опасность «шарыповского дела» искусственно занижалась. Наконец, защитник Серебров стремился оправдать происшедшее незаконие объективными обстоятельствами, жестокостью классово́й борьбы. Рассуждая о формах ее проявления в Ачинском уезде, он говорил: «Это была даже не гражданская война, а война зверей, где каждая из борющихся сторон искала возможности отомстить».

Мотив, предложенный защитником Серебровым, был умело подхвачен Переваловым в последнем слове. С присущей ему демагогией он заявил: «На нас льется грязь, мечутся громы и молнии обвинителем. Виноваты ли мы в совершенном преступлении или виновата революция, тот длинный путь, которым мы шли?» Но были в его последнем слове и признания, страшные в своей обнаженной откровенности: «Я — зверь, я привык к трупам, я тащил их за собой все эти годы. Я убивал за

Советы, мысль о смерти стала привычной — все равно умирать»¹³⁶.

Губревтрибунал 14 декабря 1921 г. подвел итоги суда: 15 подсудимых получили высшую меру наказания, 11 — по 5 лет лишения свободы, 12 — меньшие сроки, остальные были оправданы. Читатель вправе спросить: а как же постановление Енисейского губкома РКП(б) от 28 ноября 1921 г., неужели губревтрибунал с ним не считался? Спросит — и будет глубоко неправ, поскольку плохо знаком со спецификой пролетарского правосудия. Только что объявленный приговор, как это уже не раз случалось по красnobандитским делам, был тут же пересмотрен. Принимая во внимание заслуги подсудимых перед Советской властью, обстановку ожесточенной борьбы, в которой было совершено преступление, и амнистию по случаю очередной годовщины Октябрьской революции, ревтрибунал изменил меру наказания, заменив расстрел заключением на 5 лет в доме лишения свободы и сократив остальным осужденным сроки: одним на треть, другим наполовину¹³⁷.

Спустя месяц с небольшим своеобразную эстафету принял у Красноярска другой губернский город Сибири — Томск. Здесь 23—25 января 1922 г. состоялось открытое судебное заседание военного отделения губревтрибунала, рассмотревшее так называемое «мариинское дело». По нему проходило 22 человека, в основном сотрудники Мариинской уездной милиции и политбюро, в том числе бывшие заведующий уездным политбюро К. А. Зыбко, помощник начальника уездной милиции А. П. Замятин, начальник районной милиции С. А. Калинин-Гричановский, его помощник М. К. Набойченко. Почти все они до суда были коммунистами или кандидатами в члены РКП(б). Подсудимые обвинялись в том, что в условиях мирного строительства, когда требование революционной законности «с непоколебимой настойчивостью проводится центром в жизнь», они «не считались с распоряжениями центра, проводили политику “власти на местах” из-за недоверия к центральной власти и недовольства ее политикой, производили без суда убийства лиц, замеченных или подозреваемых в контрреволюционных деяниях, каковыми действиями возбуждали против власти честные, только что пробудившиеся сознанием массы и тем самым разрушали устанавливаемый центром политический порядок и потрясали экономические взаимоотношения групп населения республики ...»¹³⁸

В ходе судебного следствия эти общие обвинения были конкретизированы многочисленными фактами открытого разбоя, который учинили подсудимые в Мариинском уезде: сведениями о незаконных изъятиях ими имущества у населения и его дележе между собой, об избиениях и арестах граждан, о расстрелах без суда и следствия. В большинстве случаев подсудимые признались в совершенных ими преступлениях, но пытались представить их как объективно вынужденные или революционно-целесообразные. Вместе с тем в выступлениях Зыбко, Замятина, сотрудника Мариинского политбюро Н. С. Карпенко прозвучал новый мотив: не признав предъявленных им обвинений, они, однако, заявили, что если для дела революции и в назидание другим их необходимо покарать, то они с гордостью пойдут под расстрел¹³⁹.

Думаю, утверждения Зыбко и двух его подельников об их невиновности были небеспочвенны. Во всяком случае, предъявленные лично ему обвинения — бездействие, едва ли не граничащее с покровительством красным бандитам, противодействие властям в расследовании красnobандитских преступлений, намерение убить нового заведующего политбюро — были явно сфабрикованы чекистами для придания солидности всему «мариинскому делу». Несостоятельность этих обвинений Зыбко убедительно показал в заявлении на имя М. И. Калинина, написанном сразу после окончания суда¹⁴⁰.

Во всех остальных отношениях слушание «мариинского дела» происходило по сценарию, очень напоминавшему рассмотрение «шарыповского дела». Такое совпадение объясняется просто: основные вопросы судебного процесса также предварительно были рассмотрены на закрытом заседании президиума губкома РКП(б) — теперь уже Томского. Губком утвердил обвинительное заключение следствия, определил время суда, назначил членов судебной коллегии, обвинителя и защитников, дал директивы, которыми надлежало руководствоваться при вынесении приговора: «Применить самые строгие меры наказания к головке — руководителям данного дела, а к второстепенным исполнителям — более умеренные»¹⁴¹.

Ревтрибунал успешно справился с задачей, поставленной перед ним губкомом РКП(б). Он приговорил 14 подсудимых к высшей мере наказания, двое получили по два года принудительных работ, трое были наказаны условно и еще трое — оправданы. Правда, шести приговоренным к расстрелу мера наказания тут же была из-

менена. Принимая во внимание их социальное происхождение, политическую неразвитость, а также чистосердечные признания, ревтрибунал счел возможным заменить расстрел пятилетним заключением в дом принудительных работ¹⁴².

Томский процесс имел богатую прессу. Информация о его ходе и результатах публиковалась в нескольких номерах губернской газеты «Красное знамя». Специальной статьей в газете «Советская Сибирь» и брошюрой, на которую я уже неоднократно ссылаюсь, откликнулся на него Е. М. Ярославский. В своих публикациях он потребовал от партийных организаций, чтобы факты, прозвучавшие на томском процессе, и выводы, вытекающие из его результатов, стали известны всем сибирякам, вплоть до самого темного крестьянина. Вот что рекомендовалось усвоить всем в первую очередь: «ни в коем случае не допускать замечания следов преступления»; «коммунисты вовсе не заинтересованы в сокрытии подобных преступлений»; «нельзя самовольной расправой заменить революционный законный суд, хотя бы самые лучшие, самые идейные побуждения руководили этой расправой»; «всякий, кто становится на путь такой расправы, какая раскрылась перед нами, становится тем самым врагом революционного порядка, наносит этому революционному порядку во много раз больший вред, чем какая бы то ни была контрреволюция, ибо эти факты подрывают веру в возможность революционного порядка, революционной законности вообще»; «даже таких людей, которые лично может быть и бескорыстно, но совершили проступки против революционной законности, против революционного порядка, настоящая Советская власть карает крепко»¹⁴³.

Зато очень невнятно в публикациях Е. М. Ярославского прозвучал сюжет о причастности коммунистов к красному бандитизму и об ответственности за него РКП(б). В красном бандитизме замешаны лишь молодые члены партии — вот тот максимум, на который был согласен Ярославский, и это заставляет сомневаться в искренности всех его предшествующих рассуждений.

Рассмотрением «мариинского дела» серия показательных процессов над красными бандитами завершилась. Два следующих красnobандитских дела, доведенных до стадии судебного рассмотрения, слушались в обычном режиме: без пропагандистского оформления и сопровождения, хотя оба могли пройти по разряду выдающихся.

В первом случае речь шла о тянувшемся уже почти полтора года и на шумевшем деле Н. Василенко и З. Тесли. Основываясь на новых данных, выявленных в ходе дополнительного расследования, Енисейский губревтрибунал 28 марта 1922 г. вынес обоим подсудимым высшую меру наказания, тут же замененную пятью годами принудительных работ с содержанием под стражей¹⁴⁴.

Еще более одиозным было второе дело, по которому проходила группа сотрудников Алтайского губернского уголовного розыска во главе с А. П. Елькиным. Напомним, что они были арестованы Алтайской губчека в конце 1920 г. за попытку создания террористической организации. В процессе следствия вскрылось, что за ними тянется целый шлейф чисто уголовных преступлений: убийств, дележа изъятого имущества, служебных подлогов. Значительно увеличился и круг подследственных.

Логично было бы дело Елькина рассматривать на Алтае, где были совершены эти преступления и в то же время красный бандитизм приобрел широкие масштабы. Однако партийное руководство Сибири приняло иное решение. Сиббюро ЦК РКП(б) 15 ноября 1921 г. обязало председателя Сибирского отделения Верховного трибунала ВЦИК В. Е. Опарина затребовать дело Елькина из Барнаула и рекомендовало заслушать его в Новониколаевске.

Алтайский губком РКП(б) считал, что ко всем обвиняемым, кроме самого Елькина, которого предлагалось наказать строго, но условно, необходимо применить самые суровые меры наказания, вплоть до расстрела. Зная мнение Алтайского губкома, Сиббюро ЦК РКП(б) приняло другое решение. 2 мая 1922 г. оно предложило Сибирскому отделению Верховного трибунала ВЦИК дать Новониколаевскому губревтрибуналу указание приговорить всех обвиняемых по делу Елькина к пяти годам заключения, причем дело слушать в закрытом заседании¹⁴⁶.

18 июля 1922 г. Сиббюро ЦК РКП(б), в очередной раз рассмотрев вопрос о деле Елькина, дало санкцию на его слушание в Новониколаевском губревтрибунале¹⁴⁷. Судя по всему, хотя в протоколе это отражения не нашло, было решено еще раз смягчить наказание. В пользу такого предположения свидетельствует судебный приговор, вынесенный военным отделением Новониколаевского губревтрибунала.

В ходе судебного расследования, проходившего 25—27 июля 1922 г., главные пункты обвинения против

Елькина и его подельников, в том числе в создании организации для борьбы с бюрократизмом путем террора против отдельных советских работников, были отклонены за недоказанностью. В результате шесть человек были по суду оправданы, семь — приговорены к лишению свободы на срок от двух до пяти лет и трое — к высшей мере наказания. Но свое первоначальное решение трибунал здесь же пересмотрел, применив к большинству осужденных амнистию: приговоренные к лишению свободы, включая Елькина, были освобождены, двоим из трех приговоренных к высшей мере наказания расстрел был заменен пятилетним содержанием под стражей с принудительным трудом. Единственным человеком, который не попал под амнистию, был беспартийный милиционер П. П. Гусев, приговоренный к расстрелу за то, что в 1919 г. он, оказываясь, служил добровольцем в колчаковском гусарском полку, принимавшем участие в подавлении партизанского движения на Алтае¹⁴⁸.

По сути дела, уже в первой половине 1922 г. руководство Сибири стало отказываться от жесткой, хотя бы по форме, линии поведения по отношению к красному бандитизму и начало возвращаться к той либеральной политике, которая проводилась им до осени 1921 г. На такую мысль наталкивает прекращение показательных процессов над красными бандитами, устраивавшихся, похоже, исключительно для «отмазки», и очередной перевод красnobандитской тематики в категорию закрытой для гласности, засекреченной. Но не только.

В начале 1922 г. явно обнаружилась и стала неуклонно нарастать тенденция к тому, чтобы в порядке партийной дисциплины не допустить красnobандитские дела до судебного разбирательства. Делалось это под разными предлогами: за давностью события; в силу остроты обстановки, в которой было совершено преступление; по причине молодости и недостатка опыта советской работы (эту формулировку Сиббюро ЦК РКП(б) использовало при рассмотрении дела председателя Якутской губчека И. Б. Альперовича, которому было 19 лет); из-за политической нецелесообразности. Случалось, обходились и без мотивации, чтобы не утруждать себя поисками аргументов. В таких случаях давалась партийная директива: дело следствием прекратить, арестованных товарищей освободить¹⁴⁹.

В последнем случае весьма показательны то, что произошло с делом А. Бутенева и А. С. Синеглазова. Следственной комиссии Э. И. Винэрта, работавшей не-

долго и в неблагоприятных условиях, тем не менее удалось собрать большой фактический материал, подтверждавший справедливость сведений, сообщенных в заявлении И. Г. Антипина. Было установлено, что уже в Олекминске, который считался исходным пунктом раскрытия «Общеленского заговора», и в его окрестностях для получения от арестованных и задержанных необходимых данных представители местных властей применяли к ним различные репрессивные меры: избиения, пытку холодом, инсценировку расстрелов.

С прибытием Бутенева и Синеглазова масштабы произвола и жестокостей возросли. В большинстве случаев допрашиваемые под пытками давали необходимые показания, подтверждавшие наличие «Общеленского заговора». Строптивых же убивали якобы при попытке к бегству, составляя ложные акты, удостоверявшие действительность побегов*. Одновременно Бутенев и Синеглазов дезинформировали вышестоящие советские органы ложными слухами о наличии в приленских селах складов оружия для повстанцев и о скрывающихся в окрестностях белых бандах. В результате Бутеневу и Синеглазову при содействии председателя Якутской губчека И. Б. Альперовича на некоторое время удалось ввести в заблуждение даже руководство Иркутской губчека, не верившее в наличие «Общеленского заговора».

Прибыв в Иркутск, Винэрт 9 декабря 1921 г. представил рапорт и доклад о результатах работы, проделанной следственной комиссией, члену Реввоенсовета 5-й армии Б. З. Шумяцкому, который немедленно переправил их руководителю Полномочного представительства ВЧК по Сибири И. П. Павлуновскому¹⁵⁰.

Кроме того, основываясь на полученной от Винэрта информации, Шумяцкий 23 декабря 1921 г. отправил в Москву телеграмму, в которой говорилось: «...Политика репрессий, насилий, арестов, расстрелов мирного населения должна быть немедленно оставлена. Всякое попустительство преступным элементам должно быть пресечено в корне, дав возможность населению убедиться в действительной склонности советских органов отмежеваться и очистить край от элементов типа Синеглазова и др.»

* Независимо от Винэрта информацию о бесчинствах Бутенева и Синеглазова весной—летом 1921 г. в Иркутский губвоенкомат, Реввоенсовет 5-й армии и Полномочное представительство ВЧК по Сибири предоставили еще несколько чекистов и военных работников (см.: ГАИО, ф. 942, оп. 3, д. 250, л. 57; ГАНО, ф. 1, оп. 2а, д. 19, л. 11—13; ПАНО, ф. 1, оп. 2, д. 176, л. 4; д. 194, л. 32).

Шумяцкий настаивал на прекращении в Якутии политики «военного коммунизма» и «изоляции тоёнов», вылившейся в борьбу против аборигенного населения. «Необходимо вместо разжигания страстей,— советовал он,— вести политику национального единства, пользуясь для этого испытанными методами автономии».

С содержанием этой телеграммы был ознакомлен В. И. Ленин. По его поручению Л. А. Фотиева 27 декабря направила ее прибывшему из Сибири в Москву Е. М. Ярославскому с просьбой прислать свой отзыв, ибо В. И. Ленин «считает опасность, указанную Шумяцким, чрезвычайно серьезной».

Е. М. Ярославский немедленно ответил В. И. Ленину служебной запиской, в которой попытался представить информацию Шумяцкого устаревшей: «Телеграмма Шумяцкого говорит о фактах, в значительной степени уже изжитых. Благодаря большой оторванности и слабости партаппарата... совершен был ряд ошибок. Мы их немедленно исправляли. Мы преподали им ряд телеграфных указаний в отмену принятых якутскими товарищами решений»¹⁵¹.

В позиции Е. М. Ярославского, относившегося, как можно судить по делам В. М. Макарова и М. Х. Перевалова, снисходительно к красnobандитским «шалостям», на этот раз просматривалось стремление торпедировать результаты работы следственной комиссии Э. И. Винерта якобы за их политической неактуальностью. Однако в отсутствие Е. М. Ярославского на проходившем 12 января 1922 г. заседании Сиббюро ЦК РКП(б) при обсуждении вопроса о А. Бутеневе и А. С. Синеглазове Б. З. Шумяцкому удалось добиться того, чтобы дело о них было передано в ревтрибунал¹⁵².

В последующем Сиббюро ЦК РКП(б) еще трижды обращалось к обсуждению этого же вопроса: 25 апреля и 2 октября 1922 г., 22 марта 1923 г. Но решения, которые принимались Сиббюро в первый и в последний раз, были взаимоисключающими. Если 25 апреля оно постановило предать суду и расстрелять А. С. Синеглазова и причастных к его делу, то 22 марта 1923 г., заслушав информацию председателя Сибирского отделения Верховного трибунала ВЦИК А. П. Глузмана, сочло возможным дело прекратить, а самого Синеглазова передать в распоряжение Полномочного представительства ГПУ по Сибири¹⁵³.

На этом, однако, причуды пролетарского правосудия не закончились. Если читатель решит, что хотя бы один

из числа приговоренных к высшей мере наказания на нашумевших показательных процессах по красnobандитским делам был расстрелян или полностью отбыл в изоляции назначенный срок, то он будет в очередной раз не прав.

Рассмотрим все три случая по порядку.

Прошло всего три месяца с того дня, как материалы по делу об убийстве судьи Д. А. Осипова были отправлены во ВЦИК, а Сиббюро ЦК РКП(б) уже рассматривало просьбу сестры В. М. Макарова о взятии ею брата на поруки. В просьбе было отказано, но Сиббюро приняло постановление самому ходатайствовать перед ВЦИК об отмене высшей меры наказания для всех четверых осужденных. В тот же день, 9 февраля 1922 г., соответствующая телеграмма пошла из Новониколаевска в Москву. В ней возможность пересмотра судебного решения объяснялась двумя причинами: давностью преступления и сокращением красnobандитского движения¹⁵⁴.

Видимо, президиум ВЦИК удовлетворил это ходатайство, и 18 мая 1922 г. Сиббюро ЦК РКП(б) сделало новый шаг. На этот раз по собственной инициативе оно приняло решение считать возможным освободить В. М. Макарова из тюрьмы. Того самого В. М. Макарова, который был вдохновителем убийства Д. А. Осипова и беспощадной расправы с которым всего восемь месяцев назад так категорично требовал Д. Г. Тумаркин! Правда, освобождения при условии, что он покинет пределы Сибири¹⁵⁵.

Примерно месяц спустя Сиббюро ЦК РКП(б) направило председателю Новониколаевского губернского ревтрибунала С. Г. Чудновскому свои соображения относительно того, как осуществить досрочное освобождение В. М. Макарова. Но реализация этого плана натолкнулась на сопротивление со стороны местных губернских властей. Обсуждение спорного вопроса было перенесено в Сиббюро ЦК РКП(б), которое 27 июня подтвердило свое постановление о В. М. Макарове от 18 мая и одновременно решило освободить всех его подельников¹⁵⁶.

Поскольку осужденные по «шарыповскому делу» кассационной жалобы не подавали, то приговор Енисейского губревтрибунала вошел в законную силу. По распоряжению отдела юстиции Сибревкома их отправили отбывать заключение в Екатеринбургскую губернию. Но совершенно неожиданно для осужденных заботу о них начал проявлять Верховный трибунал ВЦИК. Он триж-

ды — 6, 13 и 29 июля 1922 г. — направлял Енисейскому губревтрибуналу телеграммы с запросом о том, куда направлены кассационные жалобы и приостановлено ли исполнение приговора¹⁵⁷. Затем трогательную заботу об осужденных проявил президиум Енисейского губкома РКП(б). 24 ноября 1922 г. он принял постановление в связи с пятилетним юбилеем Октября применить ко всем им амнистию с уменьшением срока наказания на половину¹⁵⁸. Но оказалось, что это — не предел советского «гуманизма», а самые последовательные его сторонники находятся не в Красноярске, а в Москве. 12 января 1923 г. президиум ВЦИК рассмотрел ходатайство осужденных по «шарыповскому делу» о помиловании и принял решение удовлетворить его. Последние 13 человек из числа осужденных, включая М. Х. Первалова и П. Е. Пруцкого, были совершенно освобождены от наказания¹⁵⁹.

Несколько иначе развивались события в третьем случае. Приговоренные по «мариинскому делу» к высшей мере наказания обратились во ВЦИК с ходатайством о помиловании. Президиум ВЦИК, заслушав 21 апреля 1922 г. эту просьбу, удовлетворил ее, заменив расстрел пятью годами лишения свободы с принудительным трудом¹⁶⁰. А в середине ноября президиум Томского губревтрибунала, рассмотрев в распорядительном заседании вопрос о применении амнистии в связи с пятой годовщиной Октябрьской революции, сократил наполовину срок наказания всем, осужденным по этому делу¹⁶¹.

Правда, воспользоваться амнистией довелось не всем. Условия содержания в домах заключения (так назывались тогда советские тюрьмы) в то время оставались желать лучшего. В них свирепствовали эпидемии, царили голод и холод, от которых люди мерли как мухи. Именно такая участь к середине года постигла семерых из девятнадцати осужденных по «мариинскому делу»¹⁶².

Что касается осужденных по другим краснобандитским делам, то их судьба сложилась так.

Из-за нарушения положения о ревтрибуналах (в деле отсутствовало утвержденное в распорядительном заседании обвинительное заключение) кассационная коллегия Сибирского отделения Верховного трибунала ВЦИК 27 июня 1922 г. отменила приговор Енисейского губревтрибунала от 22 марта в отношении Н. Василенко и З. Тесли, а дело передала для нового рассмотрения

тем же трибуналом в ином составе судебного присутствия, начиная со стадии предварительного следствия. Кассационная коллегия также изменила меру пресечения Н. Василенко и З. Тесли. Они были освобождены из-под стражи под подписку о невыезде и добровольной явке в суд¹⁶³. На практике это означало, что скамья подсудимых им больше не грозила.

В то же время президиум Томского губисполкома Советов не пропустил ходатайство Пахомова, Пшеничникова и Тетерина во ВЦИК о помиловании. Все они в ночь на 25 декабря 1921 г. были расстреляны¹⁶⁴. Не была удовлетворена и просьба о помиловании П. П. Гусева, проходившего по делу А. П. Елькина. Он также был расстрелян¹⁶⁵. Не удалось только выяснить, как сложилась судьба С. А. Климовича, А. Ф. Лукьянова и П. И. Подонина.

Следовательно, в общей сложности судебным репрессиям подверглась очень небольшая часть красных бандитов. Причем высшая мера наказания была вынесена и приведена в исполнение не к идеологам и руководителям красnobандитского движения, а к рядовым его участникам, оступившимся лишь однажды. На память непроизвольно приходит объяснение-аналогия из русского фольклора: «Ворон ворону...»

* * *

Как я уже писал, возможность смягчения советской карательной политики по отношению к красному бандитизму сибирское руководство объясняло центральным органам начавшимся в конце 1921 г. сокращением красnobандитского движения. Такое утверждение верно, но требует существенного уточнения. Дело в том, что это уменьшение произошло главным образом за счет его относительно «мирных» форм: прекращения внутриволостного перераспределения хлебных излишков и противодействия товарообменным операциям. Объяснение тому простое. В связи с продналоговой кампанией, начавшейся 1 сентября 1921 г., товарообменные операции в Сибири были вскоре почти повсеместно запрещены местными советскими органами. Перераспределять тоже было нечего, поскольку хлебные излишки у крестьян практически отсутствовали, так как они уходили в зачет продналога.

Зато по-прежнему процветали такие особо опасные для жизни и здоровья граждан формы красного бандитизма, как вооруженные грабежи и самосуды. Никаких

новых факторов, способных повлиять на их динамику в сторону сокращения, в Сибири не появилось. Специальный фонд материальной помощи бедноте, планировавшийся в качестве одной из главных нейтрализующих мер, создан не был. Утопия регионального масштаба разбилась о суровую советскую действительность: засуху, неурожай и голод, поразившие центральные районы России.

Не лучше обстояло и с политическим просвещением коммунистов. Сошлюсь на свидетельство заведующего агитационно-пропагандистским отделом Енисейского губкома РКП(б) А. А. Ансона. В мае 1922 г. он писал: «Почти все попытки организации курсов по ликвидации политической безграмотности в Енисейской губернии кончались неудачей [...] Курсы открывались, шли предписания по ячейкам, выделялись слушатели, проходила неделя — другая, аудитория пустела, наконец лектор приходил в пустой зал или вовсе не приходил и... курсы объявлялись почившими до следующей попытки»¹⁶⁶.

По оценке партийного руководства края, особенно плохо обстояло с политическим просвещением сельских коммунистов. В начале 1922 г. секретарь Сиббюро ЦК РКП(б) И. -И. Ходоровский признавался: «...Мы здесь имеем дело с целиной, с массой революционно настроенных и близких нам по духу, но совершенно не осознавших ни нашей программы, ни нашей тактики товарищей»¹⁶⁷.

В то же время факторы, стимулировавшие красный бандитизм, в Сибири сохранялись. Во многих ее районах, особенно в приграничных и населенных национальными меньшинствами, Советская власть продолжала вооруженную борьбу с противниками коммунистического режима. Замена разверстки продналогом в течение первых двух лет практически не принесла облегчения сибирскому крестьянству. По своей тяжести для крестьянского хозяйства и методам взимания налог почти ничем не отличался от разверстки. В отличие от других районов страны для его взимания в Сибири по-прежнему использовались продовольственные отряды и дружины, сформированные из рабочих и крестьян голодающих губерний, из местных милиционеров, чоновцев и коммунистов. К участию в продовольственной работе привлекались части регулярной Красной Армии, на места направлялись выездные сессии ревтрибуналов по продналовым делам. Только за первые шесть месяцев рабо-

ты, с 1 сентября 1921 г. по 1 марта 1922 г., ревтрибуналы Сибири осудили 23107 неплательщиков налога; 677 из них были приговорены к полной конфискации имущества, 4733 — к частичной конфискации, 539 — к выселению из мест проживания¹⁶⁸.

Узаконенный государственный произвол, как всегда, дополнялся самочинными действиями со стороны тех, кто был облечен властью или находился близко к ней. Например, в Красноярском уезде в продовольственную кампанию 1921—1922 гг. продинспектор Макаренко чинил над теми, кто не уплатил налог в срок или уплатил не в полном объеме, такие насилия, что едва не вызвал восстание крестьян нескольких волостей¹⁶⁹. В следующую продналоговую кампанию «особо вопиющие бесчинства», по оценке Сиббюро ЦК РКП(б), были допущены на Алтае и в Омской губернии. Эхо учиненного там произвола докатилось до Москвы. Вопрос о том, как поступить с нарушителями закона и что предпринять для избежания повтора аналогичных событий, обсуждался в Верховном суде, президиуме ВЦИК и даже в Политбюро ЦК РКП(б)¹⁷⁰.

Количество конкретных фактов и обобщающих свидетельств, подтверждающих, что в 1922—1923 гг. красный бандитизм являлся заметным фактором сибирской действительности, можно без труда умножить¹⁷¹. Приведу только два суждения нового секретаря Сиббюро ЦК РКП(б) С. В. Косиора. Выступая в марте 1923 г. на 6-й Омской губернской конференции большевиков, он говорил: «Мы пережили целую волну красного бандитизма как остаток партизанщины. Сейчас этой болезни, как эпидемии, нет, но отдельные случайные вспышки красного бандитизма имеются»¹⁷². А ровно год спустя в письме, адресованном ЦК РКП(б), он счел нужным сообщить: «У нас есть опасения, что нашу деревню мы еще слишком мало знаем и что партизанщина, и притом самого худшего сорта, далеко не везде изжита»¹⁷³.

Однако примерно с весны 1922 г. красный бандитизм перестал рассматриваться руководством Сибири как реальная угроза Советской власти, а вскоре вышел из употребления и соответствующий термин, хотя само явление осталось. Причины такого развития событий я вижу в том, что Коммунистической партии и Советской власти удалось нормализовать взаимоотношения с уравнительско-потребительски настроенными низами сибирской деревни, добиться признания ими новой продовольственной политики. А именно в противодействии поли-

тическому и экономическому курсу РКП(б) и советского государства — будь то «военный коммунизм» или пришедший ему на смену нэп — руководство края видело главную опасность красного бандитизма. Его уголовная фракция беспокоила правящую верхушку Сибири лишь относительно: преимущественно постольку, поскольку грабежи и самосуды могли дискредитировать и ослабить диктатуру пролетариата. Сказанным объясняются те снисходительность и терпимость, которые проявляли к красному бандитизму партийные, советские и судебные органы.

Весьма показательна также такая существенная деталь. Все вышеупомянутые органы нельзя упрекнуть в безразличии к судьбам красных бандитов, включая осужденных за преступления. Но я ни разу ни в одном документе не встречал даже намека на то, чтобы был проявлен нормальный человеческий интерес и уж тем более забота о людях, чьи отцы, мужья, сыновья стали жертвами красных бандитов. Такого, повторю, не случилось. Выходит, преступники были для Коммунистической партии и Советской власти ближе и дороже, нежели пострадавшие. Тем самым красному бандитизму гарантировалось длительное существование.

Цена, которую заплатило население Сибири за разгул красного бандитизма, не поддается точному определению, но можно без каких-либо оговорок утверждать, что она исключительно высока. Прежде всего велики были прямые потери: речь должна идти о сотнях загубленных человеческих жизней. Видимо, в несколько раз необходимо увеличить количество пострадавших, перенесших незаконные аресты, ограбленных, испытавших унижение побоями и пытками, лишившихся своих кормильцев: сыновей, мужей, отцов. Красный бандитизм во многом способствовал утверждению атмосферы насилия в обществе, чувства страха в умах и сердцах людей. «Человек с ружьем» — милиционер, чекист, чоновец — надолго стал предвестником грядущей беды, которая не обошла стороной тысячи семей сибиряков.

В заключение выскажу предположение, нуждающееся в проверке на архивных источниках, бывших ранее на секретном хранении. На мой взгляд, красный бандитизм вполне благополучно просуществовал в Сибири все 20-е годы. Он выполнял две важные социальные функции. С одной стороны, красный бандитизм являлся дополнительным фактором, с помощью которого диктатура пролетариата сдерживала активность своих оппонентов

и противников, с другой — служил каналом, через который сублимировалась ненависть социальных низов сибирской деревни к ее верхам и интеллигенции, не находившая своего выхода легальным путем.

Время людей с краснобандитским прошлым, идеологией и психологией придет позднее. Их звездный час пробьет с наступлением «великого перелома», когда для осуществления начатой Сталиным «революции сверху» потребуется их жесткая поддержка снизу.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Ярославский Ем. О красном бандитизме: (Мариинское дело). — Томск, 1922; *Боженко Л. И.* Об одной из форм классовой борьбы в Сибири накануне и в первые годы новой экономической политики // *Тр. Томского гос. ун-та. Сер. истор.* — 1969. — Т. 214, вып. 4. — С. 226—236.
- 2 Ярославский Ем. О красном бандитизме... — С. 2—5.
- 3 *Боженко Л. И.* Об одной из форм классовой борьбы... — С. 236.
- 4 Там же. — С. 235.
- 5 ПАКК, ф. 1, оп. 1, д. 116, л. 4—9; ПАНО, ф. 1, оп. 2, д. 188, л. 10—11.
- 6 ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 132, л. 31.
- 7 Там же, л. 17—18.
- 8 ПАКК, ф. 1, оп. 1, д. 3, л. 166.
- 9 ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 125, л. 97; оп. 2, д. 188, л. 11.
- 10 ГААК, ф. 9, оп. 1, д. 5, л. 6; д. 7, л. 78; д. 14, л. 8; д. 44, л. 131, 142; ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 295, л. 27—28, 41; оп. 2а, д. 3, л. 253; ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 12, л. 1.
- 11 ПАКК, ф. 6, оп. 1, д. 463, л. 5.
- 12 ПАНО, ф. 1, оп. 2, д. 166, л. 78.
- 13 ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 222, л. 94; ф. 1550, оп. 1, д. 28, л. 23; ф. 1551, оп. 1, д. 5, л. 168; ГАСО, ф. 72, оп. 3, д. 2, л. 275; ПАКК, ф. 1, оп. 1, д. 3, л. 152, 180; ПАНО, ф. 13, оп. 1, д. 185а, л. 70; ПАОО, ф. 1, оп. 2, д. 185, л. 30; *Коммунист.* — Семипалатинск, 1921. — № 2/3. — С. 8.
- 14 ПАКК, ф. 1, оп. 1, д. 3, л. 180.
- 15 ЦГАСА, ф. 17590, оп. 1, д. 55, л. 30.
- 16 Там же, д. 62, л. 23.
- 17 ЦГАСА, ф. 1498, оп. 1, д. 29, л. 101.
- 18 ЦГАСА, ф. 17590, оп. 1, д. 55, л. 207.
- 19 ЦГАСА, ф. 17534, оп. 1, д. 82, л. 75.
- 20 ГАТО, ф. 236, оп. 2, д. 142, л. 200—201.
- 21 ГАВКО, ф. 20, оп. 1, д. 5, л. 110; ГАСО, ф. 72, оп. 3, д. 2, л. 295—297; ЦГАСА, ф. 16843, оп. 1, д. 13, л. 14, 101, 125.
- 22 ПАИО, ф. 1, оп. 1, д. 31, л. 32.
- 23 ГАСО, ф. 72, оп. 3, д. 2, л. 275.
- 24 ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 125, л. 92.
- 25 ЦГАСА, ф. 17534, оп. 1, д. 82, л. 75; ф. 17590, оп. 1, д. 55, л. 207.
- 26 ЦГАСА, ф. 16843, оп. 1, д. 12, л. 70.
- 27 ЦГАСА, ф. 28174, оп. 2, д. 7, л. 535.
- 28 ГАВКО, ф. 13, оп. 1, д. 4, л. 33; ГАКК, ф. 49, оп. 1, д. 5, л. 462; д. 191, л. 16; ГАНО, ф. 1551, оп. 1, д. 2, л. 34; ПАКК, ф. 7, оп. 1, д. 278, л. 208; ПАОО, ф. 1, оп. 1, д. 26, л. 14; *Изв. Сибирского бюро ЦК РКП(б).* — 1921. — 21 янв.
- 29 ЦГАСА, ф. 1317, оп. 2, д. 2200, л. 91.
- 30 ГАСО, ф. 72, оп. 3, д. 2, л. 297.
- 31 ЦГАСА, ф. 32704, оп. 1, д. 6, л. 24.
- 32 ПАНО, ф. 1, оп. 2, д. 176, л. 4, 11.

- 33 ПААК, ф. 22, оп. 1, д. 22, л. 99. Конкретные факты об этом см.: ф. 2, оп. 2, д. 85, л. 5, 7, 10, 12.
- 34 ПААК, ф. 2, оп. 2, д. 83, л. 2.
- 35 ПААК, ф. 2, оп. 1, д. 46, л. 46.
- 36 ГААК, ф. 10, оп. 1, д. 4, л. 91, 93.
- 37 ПААК, ф. 2, оп. 1, д. 46, л. 46; д. 65, л. 4—5.
- 38 ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 154, л. 127; ЦГАСА, ф. 16843, оп. 1, д. 13, л. 101.
- 39 ПААК, ф. 7, оп. 1, д. 5, л. 183; д. 400, л. 1—2; ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 291, л. 36, 40—41, 50—53; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 13, д. 337, л. 28.
- 40 ГАНО, ф. 1, оп. 2, д. 34, л. 46; ПАНО, ф. 1, оп. 2, д. 19, л. 91; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 12, д. 3, л. 66; Ярославский Ем. Накипь // Сов. Сибирь.— 1921.— 30 янв.; Канцелярский П. Не забывайте продовольственного фронта // Коммунар.— Барнаул, 1921.— № 1.— С. 5; Дмитриев Т. Проверяйте и смейкайте коммунистические ряды // Там же.— № 3/6.— С. 5.
- 41 Суница Л. Б. Внутривнутрипартийная демократия // Изв. Сибирского бюро ЦК РКП(б).— 1921.— 15 июля.
- 42 ГААК, ф. 10, оп. 1, д. 529 (все дело); ПААК, ф. 2, оп. 1, д. 46, л. 46.
- 43 ПААК, ф. 2, оп. 1, д. 41, л. 23; ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 250, л. 43—44.
- 44 АФ ГААК, ф. 16, оп. 1, д. 18, л. 134.
- 45 АФ ГААК, ф. 53, оп. 1, д. 21, л. 87.
- 46 ГААК, ф. 62, оп. 1, д. 7, л. 366.
- 47 ПАНО, ф. 1, оп. 3, д. 22, л. 34; Коммунар.— Барнаул, 1921.— № 3/6.— С. 43.
- 48 ПААК, ф. 2, оп. 1, д. 41, л. 23.
- 49 Там же, л. 29—30.
- 50 ГАНО, ф. 1, оп. 2, д. 45 л. 94; ПААК, ф. 2, оп. 2, д. 3, л. 46; д. 22, л. 1—2; ф. 22, оп. 1, д. 5, л. 142.
- 51 ПАНО, ф. 1, оп. 2, д. 19, л. 71, 73.
- 52 ПААК, ф. 6, оп. 1, д. 423, л. 36—37.
- 53 ГАТО, ф. 236, оп. 2, д. 142, л. 182.
- 54 Ярославский Ем. О красном бандитизме...— С. 6.
- 55 ПАКО, ф. 47, оп. 1, д. 275, л. 13; ПАНО, ф. 1, оп. 2, д. 134, л. 19; оп. 3, д. 19, л. 4—5, 11; ПАТО, ф. 1, оп. 1, д. 39, л. 23, 69; Пролетарское утро (Щегловск).— 1921.— 8 июля.
- 56 ПАНО, ф. 1, оп. 2, д. 166, л. 25; оп. 3, д. 41, л. 76; оп. 9, д. 15а, л. 266.
- 57 ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 561, л. 201.
- 58 ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 297, л. 47.
- 59 ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 605, л. 111.
- 60 ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 306, л. 25, 27.
- 61 Сов. Сибирь.— 1921.— 1 апр.
- 62 Изв. Сибирского бюро ЦК РКП(б).— 1921.— 15 июля.
- 63 ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 150, л. 29—31.
- 64 ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 13, л. 62.
- 65 Сибирский революционный комитет (Сибревком). Август 1919—декабрь 1925: Сб. док. и матер.— Новосибирск, 1959.— С. 301—320.
- 66 Диалог.— Барнаул.— 1990.— № 9.— С. 56—57.
- 67 ПАНО, ф. 1, оп. 2, д. 166, л. 30.
- 68 Там же, л. 78.
- 69 ГААК, ф. 10, оп. 2, д. 57, л. 135; ПААК, ф. 2, оп. 1, д. 46, л. 46—49; д. 65, л. 19; оп. 2, д. 4, л. 21; ПААК, ф. 1, оп. 1, д. 6, л. 5; ПАНО, ф. 1, оп. 2, д. 166, л. 28—32.
- 70 АФ ГААК, ф. 16, оп. 1, д. 114, л. 64—65; ГАНО, ф. 1, оп. 2, д. 29, л. 11; ПААК, ф. 2, оп. 2, д. 26, л. 7; ПААК, ф. 1, оп. 1, д. 133, л. 92; ПАНО, ф. 1, оп. 3, д. 22, л. 86.
- 71 Бюл. 4-й Всесибирской конференции РКП(б), № 1.— 1921.— 15 августа.— С. 8.
- 72 ПАНО, ф. 1, оп. 2, д. 185, л. 5—6.

- 73 Там же, л. 48; оп. 3, д. 22, л. 86; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 13, д. 911, л. 45; Отчет Сибирского революционного комитета о деятельности его за январь—июнь 1921 г.—Новониколаевск, 1921.—С. 4.
- 74 ЦГАСА, ф. 25866, оп. 1, д. 110, л. 104.
- 75 ПАНО, ф. 1, оп. 3, д. 18, л. 60.
- 76 ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 111, л. 151.
- 77 ПАНО, ф. 1, оп. 3, д. 19, л. 3, 7—9.
- 78 ГАНО, ф. 1, оп. 2, д. 55, л. 81—82.
- 79 Там же, л. 80.
- 80 ПАКК, ф. 1, оп. 1, д. 133, л. 21.
- 81 ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 475, л. 21.
- 82 ПАНО, ф. 1, оп. 2, д. 202, л. 4—6.
- 83 Там же, л. 3, 7.
- 84 ПАНО, ф. 1, оп. 3, д. 22, л. 70.
- 85 ПАНО, ф. 1, оп. 2, д. 166, л. 28—29.
- 86 Там же, л. 30—32.
- 87 ПАКК, ф. 1, оп. 1, д. 105, л. 73; ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 111, л. 188.
- 88 ПАНО, ф. 1, оп. 2, д. 106, л. 1; Изв. ЦК РКП(б).—1921.—№ 34.—С. 5.
- 89 ПАНО, ф. 1, оп. 3, д. 22, л. 86—87.
- 90 ПАНО, ф. 1, оп. 3, д. 10, л. 29.
- 91 ПААК, ф. 2, оп. 2, д. 4, л. 11; д. 21, л. 1; ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 605, л. 124; ПАКК, ф. 1, оп. 1, д. 105, л. 73; ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 270, л. 7; ПАТО, ф. 1, оп. 1, д. 42, л. 27; Изв. Томского губернского комитета РКП(б).—1921.—№ 4.—С. 33.
- 92 ПААК, ф. 2, оп. 2, д. 21, л. 1—3.
- 93 ПАТО, ф. 1, оп. 1, д. 28, л. 243.
- 94 ПАНО, ф. 1, оп. 2, д. 166, л. 78—79.
- 95 ГАТО, ф. 236, оп. 2, д. 142, л. 278—279; МФ ГАКК, ф. 25, оп. 1, д. 94, л. 56; ПААК, ф. 2, оп. 1, д. 46, л. 46—48; ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 558, л. 27; ПАНО, ф. 1, оп. 2, д. 19, л. 82—83; д. 166, л. 80; д. 199, л. 192; ПАОО, ф. 1, оп. 2, д. 21, л. 5; оп. 3, д. 1, л. 8; д. 11, л. 3.
- 96 ПАНО, ф. 1, оп. 2, д. 166, л. 39.
- 97 ПАНО, ф. 1, оп. 2, д. 194, л. 22—24.
- 98 Там же, л. 29, 39, 43; ГАНО, ф. 1, оп. 2, д. 51, л. 3, 14; оп. 2а, д. 19, л. 3.
- 99 ПАНО, ф. 1, оп. 2, д. 20, л. 32; д. 201, л. 74; д. 221, л. 9.
- 100 ПАНО, ф. 1, оп. 3, д. 22, л. 109.
- 101 ПАНО, ф. 1, оп. 2, д. 199, л. 58—59.
- 102 ПАНО, ф. 1, оп. 3, д. 22, л. 65.
- 103 Подробнее см.: Шишкин В. И. «Шарыповское дело»: (К истории красного бандитизма в Сибири) // Октябрь и гражданская война в Сибири: история, историография, источниковедение.—Томск, 1992.
- 104 ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 594, л. 121; ПАТО, ф. 1, оп. 1, д. 33, л. 1, 4; д. 39, л. 23, 69.
- 105 ГАНО, ф. 1, оп. 2а, д. 22, л. 3; ПАКК, ф. 1, оп. 1, д. 140, л. 131.
- 106 ПАКК, ф. 1, оп. 1, д. 140, л. 129.
- 107 Там же, л. 118.
- 108 Там же, л. 128.
- 109 ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 561, л. 4.
- 110 Там же, л. 2—3; д. 618, л. 133.
- 111 ПАНО, ф. 1, оп. 2, д. 166, л. 77.
- 112 ПАКК, ф. 1, оп. 1, д. 105, л. 80.
- 113 ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 271, л. 96.
- 114 ПАКК, ф. 6, оп. 1, д. 8, л. 1—2.
- 115 Там же, л. 2—3.
- 116 ПАТО, ф. 1, оп. 1, д. 33, л. 1.
- 117 ПАКК, ф. 1, оп. 1, д. 170, л. 220.
- 118 ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 270, л. 78; д. 271, л. 96; д. 288, л. 73.
- 119 ГАНО, ф. 1096, оп. 1, д. 362, л. 16, 18, 20, 23, 28, 222, 223.

- 120 ПАНО, ф. 1, оп. 3, д. 22, л. 74.
 121 ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 593, л. 87.
 122 Там же, л. 87—88; ф. 1096, оп. 1, д. 331, л. 13—17.
 123 ПАНО, ф. 1, оп. 3, д. 22, л. 89.
 124 ПАНО, ф. 1, оп. 2, д. 166, л. 55—57.
 125 Там же, л. 58.
 126 Там же, л. 49.
 127 Там же, л. 59—60.
 128 Там же, л. 39, 43, 48; оп. 3, д. 22, л. 105; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 13, д. 908, л. 79.
 129 ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 594, л. 121.
 130 ПАКК, ф. 1, оп. 1, д. 113, л. 135.
 131 ГАНО, ф. 1, оп. 2а, д. 22, л. 10.
 132 Красноярский рабочий. — 1921. — 22 дек.
 133 ГАНО, ф. 1, оп. 2а, д. 22, л. 4—8.
 134 Красноярский рабочий. — 1921. — 13 дек.
 135 Там же, 22 дек.
 136 Там же, 23 дек.
 137 Там же, 25 дек.
 138 ГАТО, ф. 236, оп. 2, д. 142, л. 278.
 139 Ярославский Е. Мариинское дело // Красное знамя (Томск). — 1922. — 27 янв.
 140 ГАТО, ф. 236, оп. 2, д. 142, л. 182—202.
 141 ПАТО, ф. 1, оп. 1, д. 36, л. 12.
 142 ГАТО, ф. 236, оп. 2, д. 142, л. 279.
 143 Ярославский Е. Мариинское дело // Красное знамя (Томск), 1922, 26 и 27 янв.; Он же. О красном бандитизме... — С. 7—9.
 144 ГАНО, ф. 1146, оп. 1, д. 856, л. 1.
 145 ПАНО, ф. 1, оп. 3, д. 22, л. 124.
 146 ПААК, ф. 2, оп. 2, д. 5, л. 27; ПАНО, ф. 1, оп. 3, д. 34, л. 72.
 147 ПАНО, ф. 1, оп. 3, д. 34, л. 135.
 148 ГАНО, ф. 1146, оп. 1, д. 589, л. 1.
 149 См., напр.: ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 414, л. 1, 5, 11; оп. 3, д. 34, л. 6, 193, 265, 267; ПАТО, ф. 1, оп. 1, д. 36, л. 12.
 150 ПАНО, ф. 1, оп. 2, д. 199, л. 58—59, 162—165.
 151 ПАНО, ф. 1, оп. 2, д. 163, л. 104—105.
 152 ПАНО, ф. 1, оп. 3, д. 34, л. 6.
 153 Там же, л. 68, 191; д. 41, л. 60.
 154 ПАНО, ф. 1, оп. 2, д. 163, л. 97; оп. 3, д. 34, л. 16.
 155 ПАНО, ф. 1, оп. 3; д. 34, л. 82.
 156 Там же, л. 111; оп. 2, д. 163, л. 396.
 157 ЦГАОР, ф. 1005, оп. 7, д. 1653, л. 4—6.
 158 ПАНО, ф. 1, оп. 2, д. 275, л. 195.
 159 ЦГАОР, ф. 1005, оп. 7, д. 1653, л. 17.
 160 ГАТО, ф. 236, оп. 2, д. 142, л. 131.
 161 Там же, л. 245—247.
 162 Там же, л. 88, 100, 105, 209, 211, 228, 243.
 163 ГАНО, ф. 1146, оп. 1, д. 856, л. 2.
 164 Красное знамя (Томск), 1922, 4 янв.
 165 ГАНО, ф. 1146, оп. 1, д. 589, л. 2.
 166 Изв. Енисейского губернского комитета РКП(б). — Красноярск. — 1922. — № 4. — С. 27.
 167 Ходоровский И. Куда мы идем: (По поводу новой экономической политики и укрепления наших партийных рядов) // Сиб. огни. — Новониколаевск. — 1922. — № 1. — С. 86.
 168 ПАНО, ф. 1, оп. 2, д. 163, л. 365.
 169 ПАНО, ф. 1, оп. 2, д. 275, л. 208.
 170 ГААК, ф. 10, оп. 1, д. 25, л. 39, 47; ПАНО, ф. 1, оп. 2, д. 272, л. 123—135; д. 377, л. 10, 34, 43, 103—105; д. 378, л. 18.
 171 ПАНО, ф. 1, оп. 3, д. 34, л. 68, 188; ф. 2, оп. 1, д. 213, л. 13; ПАОО, ф. 1, оп. 3, д. 130, л. 67.
 172 ПАОО, ф. 1, оп. 4, д. 1, л. 3.
 173 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 11, д. 82, л. 58.